

СЕНСАЦИОННАЯ ПРАВДА.
ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ ВЫМЫСЕЛ.

ЭЛИСОН
УЭЙР

В ТЕНИ КОРОЛЕВ

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ
ДВОРА ТЮДОРОВ

The Big Book. Исторический роман

Элисон Уэйр

**В тени королев. Истории
из жизни двора Тюдоров**

«Азбука»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Э.

В тени королев. Истории из жизни двора Тюдоров / Э. Уэйр — «Азбука», 2021 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-32373-5

История пишется не только на полях сражений. Зачастую важные решения принимаются в тихих дворцовых покоях, где тенями скользят приближенные сильных мира сего, перешептываясь, подглядывая, интригуя. И если короля играет свита, то за королевой наблюдает весь двор... В течение тридцати шести лет в Англии продолжалось блистательное и вместе с тем шаткое правление Генриха VIII Тюдора. За это время рядом с ним на троне сменились шесть королей, судьбы которых сложились по большей части трагически. У каждой жены грозного монарха были свои секреты и свои конфидененты. Одни искренне любили свою королеву и верно служили ей, другие лгали, шпионили и в конечном счете предали ее... Какой виделась жизнь тюдоровского двора современникам? Ответ на этот вопрос дает сборник из тринадцати захватывающих историй, написанных Элисон Уэйр в дополнение к знаменитой серии романов «Шесть королей Тюдоров». Автор этих и многих других книг, в том числе научно-популярных, – историк и писательница, чьи произведения занимают высшие позиции в литературных хит-парадах Соединенного Королевства. Впервые на русском! В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-32373-5

© Уэйр Э., 2021

© Азбука, 2021

Содержание

Шесть королев Тюдоров: старые истории на новый лад	7
Екатерина Арагонская	14
Артур, принц Роз	16
Почерневшее сердце	29
От автора	42
Анна Болейн	43
Шато Брии	45
Предисловие	45
1515 год	45
1516 год	50
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Элисон Уэйр
В тени королев. Истории
из жизни двора Тюдоров

*С любовью посвящаю памяти Элизабет Уэйр и Элин Латчфорд,
двух великих леди*

Alison Weir

IN THE SHADOW OF QUEENS: TALES FROM THE TUDOR COURT

Copyright © Alison Weir, 2021

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Шесть королев Тюдоров: старые истории на новый лад

Идея написать серию из шести романов о женах Генриха VIII неожиданно пришла мне в голову в 2014 году во время обсуждения с моим агентом другого предложения. Получив от «Headline» заказ на это издание, я очень обрадовалась и вновь с энтузиазмом начала погружаться в истории давно почивших королев. Мысль о том, что я смогу свободно исследовать их сокровенные мысли и чувства, создавая художественное произведение, приводила меня в восторг. Проект заиграл новыми красками, когда, проведя очередное обширное исследование, я стала лучше понимать, как складывалась и из чего состояла их жизнь.

Новеллы, дополнившие шесть изданных ранее романов, впервые собраны под одной обложкой. Они созданы, чтобы читатель взглянул, словно сквозь разные окна, на жизнь шести королев и двора при Тюдорах. Мне дали карт-бланш на выбор сюжетов. Временами выстроить сюжет было непросто, так как существует множество персонажей, истории которых поддерживают основную нить повествования. Написание каждого романа с точки зрения главной героини, одной из королев, открывало для меня новые перспективы, а создание вдобавок к ним этих коротких повестей позволило придать еще большую глубину и нюансировку образам главных персонажей – изложение известных событий от лица других людей помогает сделать еще более правдоподобными характеры королев.

Автор исторического труда лишен простора для развития идей, который художественная литература дает писателю; творческая вольность помогает беллетристу раскрывать мотивы и чувства действующих лиц, разрешать загадки. Историк использует такую изобретательность на свой страх и риск, тогда как романист наделен властью проникать благодаря воображению в мысли героев и высказывать догадки. Историк не может это делать. Творческие откровения писателя могут иметь самостоятельную ценность, хотя лично я считаю, что приукрашенные вымыслом версии исторических событий не должны противоречить тому, что доподлинно известно науке по этой теме.

Интриги, окружавшие жен Генриха VIII и зачастую сокрушавшие их жизни, не перестают вызывать у меня смешанный с сочувственным изумлением трепет. Все эти события разворачивались при дворе, где полновластно хозяйничал эгоистичный, склонный подпадать под чужое влияние король, а борьба фракций нередко приводила к кровавым последствиям. Королева была обязана производить на свет наследников мужского пола, а жены Генриха VIII именно в этом по большей части и не преуспели, что делало их уязвимыми для нападков со стороны врагов. Истории этих женщин трагичны. Они разыгрывались в далеком от нас мире роскоши и жестокости, где происходил радикальный слом религиозных устоев и было очень мало праведников.

Первая жена Генриха VIII, Екатерина Арагонская, прибыла в Англию в 1501 году, чтобы выйти замуж за Артура, принца Уэльского и наследника Генриха VII, основателя династии Тюдоров. На европейском брачном рынке Екатерина слыла завидной невестой. Трон Генриха VII держался на шатких основаниях, и в его желании заручиться политической поддержкой родителей будущей невестки, могущественных суверенов Испании Фердинанда и Изабеллы, ясно виден тонкий дипломатический расчет.

Когда Екатерину и Артура обвенчали в соборе Святого Павла, народ ликовал. После свадьбы юную пару отправили в замок Ладлоу на границе Уэльса, чтобы Артур, как принц Уэльский, учился там искусству управления государством. Однако уже в тот момент он был смертельно болен. Успел ли Артур окончательно соединиться не только духом, но и плотью со своей молодой супругой? Новые сведения дают ответ на этот вопрос, а он являлся предметом дискуссий в течение долгих лет и впоследствии приобрел невероятную важность для судьбы Екатерины, и не только ее.

К несчастью, Артур умер в 1502 году. Повесть «Артур, принц Роз» написана, чтобы дать читателю представление о начале династии Тюдоров и обрисовать ситуацию, в которой состоялся брак Артура и Екатерины, с использованием недавних исследований, посвященных состоянию здоровья принца. Часто раздавались голоса в пользу того, что Артур болел только в конце жизни, однако ясно, что, родившись недоношенным, он с младенчества не отличался крепким здоровьем.

Генрих VII не хотел терять приданое Екатерины, равно как и разрывать союз с Испанией, поэтому решил выдать невестку за своего второго сына, семилетнего Генриха, ставшего теперь наследником престола. Екатерина была на пять с половиной лет старше жениха, однако в эпоху, когда королевские браки заключались ради политических и династических выгод, такая разница в возрасте не считалась препятствием к супружеству. Потенциально серьезной преградой для союза являлся тот факт, что Екатерина была женой родного брата Генриха, однако, после того как стало ясно, что она не беременна и не носит ребенка Артура, папа дал разрешение на брак, и помолвка состоялась.

Через год скончалась мать Екатерины, и ее владения в Испании были раздроблены. Теперь замужество испанской принцессы с принцем Генрихом не казалось такой уж привлекательной перспективой, однако Генрих VII по-прежнему желал получить ее приданое, а потому оставил Екатерину в Англии, где она жила во все возрастающей нужде до кончины короля в 1509 году.

Генрих VIII, красивый, образованный и атлетически сложенный восемнадцатилетний юноша, взшел на трон, окрыленный высокими идеалами, стремлением к славе и величию. Как странствующий рыцарь былых времен, он вызволил Екатерину из нищеты и женился на ней, проигнорировав предостережения, что Писание ставит под запрет такой брак, а она безраздельно отдала свое сердце великолепному юному супругу. Ранние годы их брака промчались в вихре турниров, пиров и пышных зрелищ.

И все же тучи уже тогда сгустились на горизонте. Екатерина родила двоих мертвых детей. Трое сыновей умерли вскоре после появления на свет. Вероятно, были еще две беременности, закончившиеся выкидышами. Единственным выжившим ребенком оказалась дочь Мария, родившаяся в 1516 году, а в 1523-м Генрих и Екатерина столкнулись с неприятным фактом: детей у них больше не будет.

Когда в 1527 году французский посол поднял вопрос о законнорожденности Марии, Генрих начал выражать сомнения в правомочности своего брака. Узнав об этом, Екатерина пришла в отчаяние.

Вскоре стало известно, что король влюблен в ее жизнерадостную, хорошо образованную и амбициозную фрейлину Анну Болейн. Проведя не один год при утонченном французском дворе, девушка обладала изысканными манерами и вкусами в моде, как «урожденная французка». Генрих страстно возжелал ее, но Анна упорно ему отказывала, и король решил на ней жениться.

«Шато Брии» – это вымышленная история, действие которой происходит во Франции, в юные годы Анны. «Редко, если такое вообще случалось, какая-нибудь жена или девица покидала французский двор целомудренной», – заметил историк XVI века Брантом. И король Франциск I вспоминал, «сколько мало добродетельную жизнь всегда вела Анна». В 1536 году лишившийся всех иллюзий Генрих говорил имперскому послу Шапюи, что ее «испортили» во Франции.

В Брии-су-Форж, к югу от Парижа, есть древняя башня, которую называют донжон Анны Болейн. Никто не знает, откуда взялось это название, но, по легенде, Анна провела там часть своей юности. Многочисленные теории о том, когда и почему, вдохнули жизнь в эту историю, которая основана на всех упомянутых выше элементах.

Подстрекаемый страстью к Анне и необходимостью иметь наследника, Генрих VIII попросил папу аннулировать его брак. Однако Рим только что разграбило наемное войско племянника Екатерины, императора Священной Римской империи Карла V. Из страха перед ним папа уклонялся от решения дела Генриха и всячески его затягивал. Когда понтифик наконец отправил в Англию своего легата, чтобы тот вместе с кардиналом Уолси разбирал дело Екатерины, та отказалась признавать этот суд и драматически пала на колени перед королем с мольбой о справедливости. Папа получил необходимый предлог для отзыва дела обратно в Рим, а разъяренный Генрих сорвал свой гнев на Уолси, который попал в опалу. В 1531 году, злой на Екатерину, упорно твердившую, что их брак законен, Генрих удалил ее и принцессу Марию от двора.

Папа вынудил Генриха прождать семь лет, после чего объявил его брак законным. К тому моменту король уже порвал с Римом и провозгласил себя верховным главой Церкви Англии. Томас Кранмер, новый архиепископ Кентерберийский, аннулировал его союз с Екатериной и утвердил брак с Анной Болейн, так как Генрих, узнав о беременности своей возлюбленной, уже женился на ней. Когда Анну провозгласили королевой, Екатерине было приказано (а та отказалась) именовать себя вдовствующей принцессой Уэльской; дочь ее Марию объявили бастардом.

Женитьба на Анне будто сняла с Генриха заклятье. Он изменял ей в период беременности, а когда она вздумала попрекать его, грубо заявил, что ей лучше закрыть на это глаза, как делали более достойные персоны. В 1533 году Анна произвела на свет дочь, будущую Елизавету I. В 1534-м за нее последовал мертворожденный ребенок, вероятно сын.

Здоровье Екатерины быстро ухудшалось, тем не менее она до последнего вздоха не отрекалась от того, что является истинной королевой и законной женой Генриха, не прекратила смелой борьбы за права дочери. Разъяренный Генрих переводил неугодную супругу из одного обветшалого дома в другой, намереваясь сломить ее сопротивление, но не преуспел в этом. Перед самой смертью в 1536 году брошенная жена написала ему: «Наконец я клянусь вам, больше всего на свете мне хочется увидеть вас своими глазами». И дерзко подписалась: «Екатерина, королева».

Когда опальная королева скончалась, результаты вскрытия ее тела некоторое время держали в тайне, и Шапюи выражал сомнения в том, что Екатерина умерла естественной смертью. По его свидетельству, выполнявшие вскрытие «обнаружили тело королевы и все внутренние органы в нормальном, насколько это возможно, состоянии, за исключением сердца, на котором имелась черная опухоль ужасного вида». Современные медики считают, что это, вероятно, было какое-то злокачественное новообразование, но Шапюи и его современники могли дать такому явлению лишь одно объяснение: яд. Так родилась идея для второй новеллы этого сборника. Что, если слухи не лгали?

В день похорон Екатерины Анна Болейн родила недоношенного мертвого сына. К тому времени Генрих уже начал ухаживать за ее фрейлиной Джейн Сеймур. Анна ожесточила против себя главного министра короля Томаса Кромвеля. В апреле 1536 года, понимая, что не сносить головы либо ему, либо ей, Кромвель (как он сам говорил Шапюи) «замыслил и подстроил» обвинительное дело против нее, предъявив Генриху свидетельства того, что Анна изменяла ему с пятью мужчинами, одним из которых был ее родной брат, а также планировала убить его самого. В мае Анну арестовали, заключили в Лондонский Тауэр и признали виновной в государственной измене. Смерть на эшафоте она встретила очень храбро, а на последней исповеди клялась, что никогда не грешила телом против короля.

События новеллы «Башня сегодня полна призраков» разворачиваются в наши дни в Тауэре. Моя фирма «Туры Элисон Уэйр» устраивает исторические экскурсии, мне самой часто приходилось водить туристов по Тауэру. В этой истории воображаемая группа экскурсантов идет прочерченным мною «путем Анны Болейн», куда включены все знаковые места, связан-

ные с последними днями жизни Анны. Спешу предупредить читателя: случившегося на этой конкретной экскурсии с реальными участниками моих туров никогда не бывает!

Роман «Анна Болейн: страсть короля» заканчивается казнью главной героини. Для изложения последовавших событий я написала «Бабушкину сказку», словно бы на основе воспоминаний бабушки Анны, Маргарет Батлер, наследницы графа Ормонда, что позволило мне использовать материалы проведенного мною исследования о замке Хивер и влиянии падения Анны на ее семью.

Через десять дней после того, как Анне отрубили голову, Генрих женился на Джейн Сеймур, которую все считали девицей блеклой и невзрачной. Однако Генрих был сражен ее добротой и мягким, покорным характером, столь непохожим на строптивый нрав Анны. Джейн пришлось ступить на опасный путь, и она дважды проявляла отвагу. После того как Генрих вынудил свою несчастную старшую дочь Марию признать, что брак ее матери был кровосмесительным и незаконным, Джейн убедила его вернуть дочери благосклонность. А когда король начал закрывать монастыри, она на коленях молила его сохранить их. Но он отмахнулся от нее, не преминув напомнить, что покойная королева умерла из-за своей склонности вмешиваться в политику. Больше Джейн ни разу не возвышала голос.

В октябре 1537 года после долгих родов она подарила Генриху долгожданного сына и наследника Эдуарда. Однако, пока Англия предавалась торжествам, Джейн умерла. Генрих искренне оплакивал покойную, однако Тайный совет ни в коем случае не просил его ради спокойствия королевства поскорее жениться вновь.

Дочь Генриха, леди Мария, появляется во всех шести романах серии, но именно Джейн Сеймур примирила ее с отцом. Я посчитала уместным вставить историю отвергнутой принцессы именно в эту часть настоящей книги: новелла «Самая несчастная леди в христианском мире» мостиком перекинута через двухгодичный пробел между смертью Джейн Сеймур и четвертым браком Генриха. Вскоре о Марии будет написано еще больше!

Анна Бассет, главная героиня новеллы «Проклятие Хангерфордов», была падчерицей дяди Генриха VIII, незаконнорожденного Артура Плантагенета, виконта Лайла, и служила четырьмя женам короля. В начале 1540 года и еще раз в 1541–1542 годах ходили слухи, что Генрих женится на ней, а это изменило бы ход истории. Изучая жизнь Анны Бассет для написания короткого включения в роман «Анна Клевская: королева секретов», я обнаружила, что впоследствии она вышла замуж за одного из членов семьи Хангерфорд и жила в замке Фарли, который в 1518 году стал ареной жестокого убийства, – настоящий подарок для романиста! В связи с этим историю рассказывают две женщины – сама Анна и Агнес Хангерфорд, обвиненная в преступлении.

Четвертую невесту для короля искали долго. В 46 лет, несмотря на растущую полноту и другие проблемы со здоровьем, Генрих предлагал свою руку прекрасной Кристине Датской, но юная леди ответила, что, будь у нее две головы, одну она предоставила бы в распоряжение его величества. В конце концов король остановил выбор на немецкой принцессе Анне Клевской, которая, как уверял его Кромвель, превосходит красотой Кристину, «как золотое солнце затмевает серебряную луну».

Генрих отправил в Клеве Ганса Гольбейна, чтобы тот нарисовал портрет Анны. Один из послов подтвердил, что сходство велико, но, вероятно, на портрете художник изобразил принцессу в самом выгодном ракурсе. Генрих был очарован и стал настаивать на скорейшем завершении переговоров о браке. Увидев воочию, что Анна вовсе не соответствует его ожиданиям, король был потрясен. Худшего начала и вообразить нельзя. Однако в январе 1540 года свадьба все-таки состоялась. В брачную ночь Генрих оцупал груди и живот Анны, но дальше этого не пошел, так как заключил, что она не девственница. Мы можем только гадать, какие именно признаки навели Генриха на такую мысль.

Сюзанна Гилман (урожденная Хоренбут), талантливая художница из семьи фламандских живописцев, которые обосновались в Англии и заручились покровительством Генриха VIII, была направлена королем в Клеве прислуживать Анне, его будущей невесте, и разрешить некоторые сомнения, которые возникли у него относительно прошлого принцессы. В новелле «Художница короля» Сюзанна выведена свидетельницей катастрофы, в которую превратился брак Анны; сама Анна расценила ее поступки как предательство.

Весной 1540 года взгляд влюбчивого Генриха упал на милую, юную Кэтрин Говард. В июле король нашел предлог для аннулирования своего брака с Анной Клевской. Та с нелестной для него готовностью согласилась на все и была вознаграждена за сговорчивость прекрасным содержанием и правом именовать себя сестрой короля.

Генрих сразу женился на Кэтрин Говард. Ей пришлось по душе королевская жизнь; она наслаждалась дорогими подарками, которыми осыпал ее король, сходявший по ней с ума. Он неустанно объявлял всему миру, что обрел в своей молодой супруге истинное сокровище добродетели. Однако у Кэтрин имелось прошлое, о котором Генрих ничего не знал, и прошлое это все более упорно и настойчиво напоминало о себе юной королеве.

Кэтрин выросла в доме приемной бабушки, вдовствующей герцогини Норфолк, которая пренебрегала ею. В раннем возрасте девочку совратил учитель музыки. Девушки в общей спальне дома герцогини по ночам принимали у себя молодых мужчин, и Кэтрин познакомилась с бесстыдником Фрэнсисом Деремом. Вскоре они уже спали вместе и называли друг друга мужем и женой. Однажды герцогиня застала их вдвоем; Дерема отослали из дома, а Кэтрин предназначили к более высокой судьбе.

Несколько молодых женщин, бывших свидетельницами любовных приключений Кэтрин, получили места при ее дворе, возможно, в результате шантажа. Кэтрин по недомыслию назначила Дерема своим секретарем. После этого она вступила в связь с фаворитом короля Томасом Калпепером. Во время тура короля по Йорку Кэтрин тайно встречалась с любовником даже в своей уборной.

По окончании путешествия Генрих повелел, чтобы все королевство благодарило Господа за счастье, дарованное ему с Кэтрин. И тут королю представили свидетельства о ее прошлом, коим он не желал верить, но, когда на стол легли неопровержимые доказательства, не выдержал и в отчаянии крикнул, чтобы ему принесли меч, и он мог убить неверную собственными руками. На допросе Кэтрин впала в истерику и все отрицала. Сперва складывалось впечатление, что она виновна только в недостойном поведении до брака, но затем изобличили Калпепера, а адюльтер королевы – это уже государственная измена.

Дерема и Калпепера казнили, а Кэтрин отправили в аббатство Сион под домашний арест. В феврале 1542 года против нее был издан Акт о лишении прав и состояния, и бывшую королеву обезглавили.

Написав биографию племянницы Генриха, Маргарет Дуглас, получившую название «Заблудшая принцесса из дома Тюдоров» (*The Lost Tudor Princess*), я не могла устоять перед желанием сочинить для этого сборника короткую повесть о ее злосчастных (и опрометчивых) любовных приключениях, второе из которых вышло на свет в одно время с падением Кэтрин Говард. Новелла «Принцесса Шотландская» (так называл Маргарет Шапюи) предлагает по-другому взглянуть на эту историю. Маргарет служила пяти женам Генриха VIII и играла важную роль в жизни двора. Красивая и темпераментная, она слушалась скорее велений сердца, чем голоса разума, и вступала в любовные связи, из-за которых на протяжении своей долгой жизни четыре раза попадала в Тауэр.

Рассказ «Человек божий» – приятное дополнение к этому сборнику. Он еще ни разу не был опубликован в цифровом формате, но появлялся в американском издании книги «Кэтрин Говард: запятнанная королева», выпущенном сообществом «Круг читателей». Так как роман написан целиком с точки зрения Кэтрин, читатель не имеет возможности узнать, кто дал пока-

зания против нее и с чего началось расследование ее преступлений. Эта история заполняет упомянутые пробелы. Она также дала мне возможность, излагая ход событий с точки зрения Кранмера, показать, как относились к Кэтрин Говард реформаторы, обретавшиеся при дворе, и почему они решили ее повергнуть.

Главная героиня новеллы «Злая жена» – невестка Анны Болейн, леди Джейн Рочфорд, которая служила Кэтрин Говард, поощряла ее любовную связь с Калпепером (причины чего до сих пор не вполне ясны) и погибла на эшафоте в тот же день, что и ее госпожа. Здесь я предлагаю, надеюсь, обоснованное и непротиворечивое объяснение интриг этой женщины, фатальных для нее самой. Повесть о леди Рочфорд раскрывает нам историю семьи Болейн в немного ином, более пугающем свете, чем тот, в котором я представила ее в романе «Анна Болейн: страсть короля».

Из-за пережитой трагедии с изменой и казнью Кэтрин Говард Генрих VIII постарел раньше времени и не спешил снова жениться. По свидетельству Шапюи, несколько дам при дворе добивались этой чести. Но в 1543 году король сделал предложение Екатерине Парр, милой, умной, два раза овдовевшей женщине, которой уже было за тридцать. Она не хотела соглашаться на этот брак, так как была влюблена в сэра Томаса Сеймура, брата покойной королевы Джейн, и держалась протестантских взглядов. Но Генрих не желал отступить. Став королевой, Екатерина была вынуждена скрывать свои чувства к Сеймуру, как и религиозные убеждения, потому что король ревностно сжигал протестантов за ересь.

Екатерина Парр оказалась любящей мачехой для детей Генриха, была популярна в народе, а Генрих так сильно доверял ей, что, когда в 1544 году вторгся во Францию, на время своего отсутствия назначил ее регентом Англии. Однако в 1545 году католическая фракция при дворе вложила в голову короля подозрения насчет религиозных взглядов Екатерины, и Генрих приказал допросить жену. К счастью, ордер на арест королевы обронули в галерее, и его нашел один из слуг Екатерины. Прочитав документ, та впала в истерику – король поспешил к ней, и она сумела отвести от себя подозрения.

Генрих VIII умер в январе 1547 года, оставив Екатерину богатой вдовой. Ему наследовал восьмилетний сын Эдуард VI, а Екатерина удалилась в Челси. Томас Сеймур почти тотчас же возобновил свои ухаживания, и они поженились. Тайный совет негодовал, ведь любой сын, рожденный королевой, мог оказаться ребенком покойного короля, что могло поставить под сомнение порядок престолонаследия. Но скандал утих сам собой.

Екатерина пригласила к своему двору падчерицу Елизавету и не видела ничего предосудительного в том, что ее супруг открыто возится с нею. Иногда она даже присоединялась к этим играм. В 1548 году Екатерина обнаружила, что беременна, но ее радость была омрачена: она застала вместе Сеймура и Елизавету. У нее не осталось выбора, кроме как отослать от себя принцессу. В августе, обвинив Сеймура в том, что тот «часто насмеялся над нею», Екатерина уехала в замок Садели, где родила дочь Мэри, но вскоре после этого умерла, вероятно, от родильной горячки.

В новелле «Дитя королевы» рассказана история Мэри Сеймур со слов ее няньки, Бесс Аглионби. Есть несколько теорий о том, что стало с Мэри. В викторианские времена считалось, что она выросла и вышла замуж за сэра Эдварда Бушеля. Мое исследование, проведенное для написания повести, доказало невозможность этого. Правда гораздо более горька.

В последней новелле «В этой новой гробнице» я намеревалась изложить невероятную и временами мрачноватую историю того, что происходило на протяжении столетий с останками Екатерины Парр. В результате я обратилась к историческим периодам, о которых прежде никогда не писала, и облекла плотью доселе неизвестных мне персонажей, которые населяли посмертный мир Екатерины. Я с большим удовольствием сочиняла последние страницы, куда включила и себя, не имея сил удержаться. Они кажутся мне достойным завершением серии «Шесть королей Тюдоров».

Я надеюсь, вам понравятся истории о людях, чьи судьбы соприкоснулись с судьбами этих женщин, и какие-то подробности из их удивительных жизней расцветят для вас тот мир новыми красками.

Элисон Уэйр, август 2021

Екатерина Арагонская

Хронология событий

- 1485 год – – Битва при Босуорте. Генрих Тюдор побеждает Ричарда III и становится Генрихом VII, первым правителем из королевского дома Тюдоров (август).
Рождение Екатерины Арагонской, младшей дочери Фердинанда и Изабеллы (декабрь).
- 1486 год – – Рождение Артура Тюдора, принца Уэльского, старшего сына Генриха VII (сентябрь).
- 1489 год – Рождение Маргариты Тюдор, дочери Генриха VII.
- 1491 год – Рождение Генриха, герцога Йоркского (Генриха VIII), второго сына Генриха VII (июнь).
- 1496 год – Рождение Марии Тюдор, дочери Генриха VII.
- 1501 год – Свадьба Екатерины Арагонской и Артура Тюдора, принца Уэльского (ноябрь).
- 1502 год – Смерть Артура Тюдора, принца Уэльского (апрель).
- 1503 год – Помолвка Екатерины Арагонской с Генрихом, принцем Уэльским.
Свадьба Маргариты Тюдор и Якова IV Шотландского.
- 1509 год – Смерть Генриха VII; вступление на трон Генриха VIII (апрель).
Свадьба и коронация Екатерины Арагонской и Генриха VIII (июнь).
- 1513 год – Смерть Якова IV Шотландского.
- 1514 год – Свадьба Марии Тюдор и Людовика XII Французского.
Свадьба Маргариты Тюдор и Арчибальда Дугласа, графа Ангуса.
- 1515 год – Рождение Маргарет Дуглас, дочери Маргариты Тюдор и Арчибальда Дугласа.
- 1516 год – Рождение принцессы Марии, дочери Генриха VIII и Екатерины Арагонской (февраль).
- 1519 год – Избрание Карла I Испанского императором Священной Римской империи Карлом V.
Рождение Генри Фицроя, внебрачного сына Генриха VIII и Элизабет Блаунт.
- 1520 год – Встреча на Поле золотой парчи: дипломатические переговоры Генриха VIII и Франциска I, короля Франции (июнь).
- 1522 год – Вспыхивает война между Англией и Францией; Анна Болейн возвращается домой, чтобы служить Екатерине Арагонской, и впервые появляется при английском дворе.
- 1525 год – Генрих VIII начинает ухаживать за Анной Болейн.

1527 год – Генрих VIII ставит под сомнение законность своего брака с Екатериной Арагонской и просит папу Климента VII аннулировать его.

1529 год – Карл V назначает Юстаса Шапюи послом в Англию.

Кардинал Уолси попадает в опалу; сэр Томас Мор назначен лорд-канцлером.

1531 год – Екатерина Арагонская изгнана из двора.

Томас Кромвель становится главным министром Генриха VIII.

1532 год – Смерть Уильяма Уорхэма, архиепископа Кентерберийского, открывает путь к назначению на этот пост радикала Томаса Кранмера (август).

Анна Болейн становится любовницей Генриха VIII.

1533 год – Свадьба Генриха VIII и Анны Болейн (январь).

Джейн Сеймур покидает двор Екатерины Арагонской, чтобы служить Анне Болейн.

Кранмер объявляет брак Генриха VIII и Екатерины Арагонской кровосмесительным и незаконным и подтверждает законность брака Генриха с Анной Болейн (май).

Коронация Анны Болейн (июнь).

Рождение принцессы Елизаветы, дочери Генриха VIII и Анны Болейн (сентябрь).

1534 год – Папа Павел III объявляет брак Генриха VIII и Екатерины Арагонской законным.

Парламент издает Акт о верховенстве, благодаря чему Генрих VIII становится верховным главой Церкви Англии, и Акт о престолонаследии, который называет законными наследниками престола детей короля и королевы Анны.

1535 год – Казнь Джона Фишера, епископа Рочестерского, сэра Томаса Мора и нескольких монахов-картезианцев.

Генрих VIII начинает ухаживать за Джейн Сеймур.

1536 год – Смерть Екатерины Арагонской (январь).

Артур, принц Роз

Сколько Артур себя помнил, его окружали розы – красные, белые, белые и красные, увенчанные коронами. В детской они были повсюду – на стенах, на потолке, на каминах и кроватях, в книгах и на картинах, украшавших стены дворца. Из-за штор, закрывавших картины, те казались загадочными и немного пугающими. Однажды ткань отвели в сторону, и Артур не решился взглянуть, опасаясь того, что может увидеть, но то оказался всего лишь портрет отца.

Отец говорил, что розы очень важны и Артур должен всегда помнить об их значении. Он был одновременно розой алой и белой, живой эмблемой принесшего мир союза королевских домов Ланкастеров и Йорков. Лишь немного позже Артур стал понимать, что имелся в виду брак его родителей: отец был из дома Ланкастеров – Алой розы, а мать – из дома Йорков, Белой розы, и путать нельзя. Несколько лет назад два королевских дома враждовали, это была долгая и отвратительная война, повторения которой нельзя было допустить, и народ в Англии ликовал, когда у короля и королевы родился сын – принц, соединивший кровь двух королевских родов.

Осознание этого потребовало напряженных раздумий, но в результате Артуру стало ясно, что он действительно не обыкновенный маленький мальчик. Даже имя свидетельствовало об этом. Мать рассказывала ему легенды о предке отца, великом герое, короле по имени Артур, который некогда правил их королевством и одерживал славные победы. Артура назвали в честь славного рыцаря.

Отец тоже рассказывал истории, когда в своей занятости находил на это время, но в них говорилось о другом периоде в жизни короля Артура, прошедшем в далекой земле под названием Бретань, в лесу Броселианд. Сам отец тоже жил в Бретани, прежде чем стал королем, и, судя по всему, ему там не очень нравилось. Тогда на троне сидел один злой король, которого звали Узурпатором; он пытался схватить отца и убить его. Но отец собрал большую армию и устроил жаркую битву рядом с местом под названием Босуорт. Там он убил Узурпатора и сам стал королем, так что в конце концов все обернулось хорошо. Артур слышал эту историю много раз и готов был слушать еще и еще.

Отец часто говорил о своем детстве в Уэльсе и вспоминал сказания о грифонах, сражениях давних времен и короле по имени Кадваладр, эмблема которого – дракон – теперь красовалась на отцовском штандарте и королевском гербе.

– На смертном одре Кадваладр предсказал, что король из Уэльса восстановит древний королевский род Британии, а его потомки будут править всем островом, – повествовал отец, и глаза его горели. – Этот уэльский король я, Артур. Я истинный наследник древних правителей, а те, кто правил после них, – узурпаторы.

Артур как будто понял и с умным видом кивнул. Отец был проницателен, замечал любой признак недопонимания и высказывал упрек. Он всегда внимательно наблюдал за Артуром и хмурился, отчего мальчик ощущал, будто сделал что-то не так или в чем-то сплеховал.

Истории об Уэльсе зачаровывали Артура, ведь он и сам был принцем Уэльским и помнил, как его на королевской парадной барке везли в Вестминстер и под звуки труб несли на берег, чтобы доставить к королю. Самое живое воспоминание – как его посадили на коня и ввели

так, верхом, в Вестминстер-холл, где король нарек его принцем Уэльским. После этого Артур один сидел на огромном отцовском троне – ступни его едва доставали края сиденья – и был хозяином на пиру. Ему тогда, наверное, было года три.

– Однажды ты станешь королем, – часто повторял отец. – Ты будешь вторым Артуром. Не забывай, как англичане радуются, услышав это имя, а иностранные правители дрожат, ведь оно наводит ужас на все народы.

Вот почему Артуру полагалось быть лучшим во всем, чем бы он ни занимался, и превосходить всех. Сыну и наследнику своего отца, ему нельзя иметь изъянов, он должен быть безупречен – силен, смел и умен. Артур старался; одному Богу известно, как он старался. Но отец, казалось, не понимал, что сыну с таким грузом не справиться. И не давал ему поблажек. Предполагалось, что правление Артура будет долгим и славным, а после него на трон вступит сын Артура, и власть останется в руках прямых потомков полноправных уэльских королей. Принц уже знал, кто станет матерью его сына, так как, сколько себя помнил, был помолвлен с испанской инфантой. Звали ее Каталиной, она была на год старше его и обещала стать прехорошенькой. Отец неустанно твердил Артуру, что этот брак очень важен: родители Каталины, король и королева Испании, великие правители, и дружба с ними обеспечивает Англии большие выгоды. Но самое главное – за инфантой приданое в двести тысяч крон. Глаза у отца блеснули, когда он говорил об этом. Артур постарался изобразить, что не меньше короля впечатлен новостью, но сама по себе женитьба ничего для него не значила, тем более что свадьба состоится в каком-то очень далеком будущем. Мальчик рассчитывал лишь на то, что Каталина, когда приедет в Англию, тоже заинтересуется королем Артуром, святым Георгием и игрушечными солдатиками.

Принц подрастал, но легенды о короле Артуре и святом Георгии, покровителе Англии, все так же вдохновляли его и разжигали пламень в юном сердце. Его ребяческий ум занимали образы героев и драконов, коварных королей и попавших в беду принцесс, тайна святого Грааля и пронзающие скалы или извлеченные со дна озер мечи. Он жадно впитывал все известные рассказы о рыцарстве. Когда придворные поэты, сочинители баллад и барды, соперничавшие в похвалах ему, юному принцу, пели: «Глядите, возрастает дитя короля Артура, вторая надежда нашего королевства», он трепетал, а узнав, что его появление на свет предсказал сам волшебник Мерлин, почувствовал себя еще более особенным.

Артур гордился тем, что рожден в том же городе, где появился на свет легендарный король Артур, – в Винчестере, хотя, разумеется, его легендарному предку город был известен под названием Камелот. Огромная круглая крышка от стола, за которым давным-давно сидели сам король и его рыцари, по-прежнему висела на стене в главном холле замка. Однажды, пообещав себе Артур, сам вступив на престол, он велит снять ее и будет использовать по назначению.

– Король, отец ваш хотел, чтобы вы родились в Винчестере, – сказала Артуру мать, и при этом воспоминании ее нежное лицо расплылось в умилении. – Он понимал, что это место благоприятствует появлению на свет принца. Хорошо еще, что я отбыла в свои покои вовремя, потому как вы подросли на месяц раньше срока.

На ее чело набежала легкая тень, но оно тут же вновь просветлело от ясной улыбки.

– Вы были прекрасным малышом! Все так говорили.

Артур, хоть и был мал, догадывался, что мать говорит ему не все. Она, как обычно, выглядела слегка отстраненной; ему никогда не удавалось ощутить настоящую близость с ней, но очень этого хотелось. Она была прекрасна своей округлой мягкостью и вся будто светилась, как золото: набожная, милостивая и добрая, королева во всем потакала старшему сыну, но он знал, что она любит его не так сильно, как Гарри. Не приходилось сомневаться в том, что из всех детей именно он – ее любимчик. И кто осудил бы королеву? Гарри обладал всеми каче-

ствами, которых не доставало Артуру: был энергичен, шумлив и уверен в себе. Хотя брату не исполнилось и двух лет, Артур уже видел, что тот легко будет преуспевать во всем.

Артур ненавидел Гарри, которому какое-то внутреннее чутье подсказывало, как привлечь к себе внимание, особенно когда родители разговаривали со старшим сыном, и зеленел от зависти, представляя, сколько времени младший брат проводит с матерью. Она держала Гарри при себе с рождения и даже давала ему первые уроки, тогда как Артура с леди Дарси отослали в старый мрачный замок Фарнхэм, где мальчик провел первые два года жизни. Его наставниками были учителя.

– Почему меня отправили в Фарнхэм? – не раз спрашивал Артур у матери.

– Потому что вы родились слабым, и епископ Куртене предложил отвезти вас туда, где воздух более здоровый и меньше опасности подхватить какую-нибудь болезнь. Он вызвался взять на себя все заботы.

Артур почти не помнил своего пребывания в Фарнхэме, но был уверен, что скучал по матери. Он не заметил момента, когда родилась его сестра Маргарита, но, увидев на руках у матери новорожденного Гарри – самому Артуру тогда было пять лет, – понял, чего ему не хватало, по чему именно он тосковал. А потом появилась еще и Елизавета... Все они знали, что такое любовь и забота матери-королевы, хотя та была обременена множеством обязанностей.

Впрочем, с отцом Артур встречался чаще, чем с матерью. Он понимал: тот хочет, чтобы люди видели его вместе с наследником, которого он наставляет в искусстве управления государством. Хоть отец и смотрел на старшего сына критическим взором, Артур знал, что он им гордится.

– Господь, послав вас, сын мой, показал, что он доволен моей победой при Босуорте и моим браком. Вы – первый принц из моего рода, рода Тюдоров.

И отец снова принялся перечислять своих уэльских предков – потомков могущественного Кадваладра и правителей Уэльса в далеком прошлом. Артур понимал, что его появление на свет возвестило новую артурианскую эру величия, которая придет к расцвету, когда он вступит на престол. Отцовские ожидания были для мальчика тяжелой ношей, но одна данность компенсировала все тяготы: Артур наследник, и это единственное, в чем он превосходит Гарри. Тому никогда не стать королем. Этот избалованный, норовистый малыш поймет, где его место; Артур позаботится об этом.

А вот свою сестру Маргариту Артур любил. Она была на три года младше его, веселая девочка с круглыми розовыми щеками и волосами цвета меди. Принцу хотелось видеться с ней чаще, ему нравилась ее солнечная натура и даже ее величавые манеры. Ее характер, в отличие от повадок Гарри, не волновал Артура: она всего лишь девочка и ею можно безнаказанно помыкать. Иногда она пререкалась с ним или убегала жаловаться гувернантке, но обычно смешливость все-таки брала свое, и они дружно хохотали. Тут Артур понимал, что он мало смеется. Конечно, с отцом приходилось быть серьезным, мать часто отсутствовала как телом, так и духом, а Гарри был ужасен – с ним не посмеешься. Артур благодарил Господа, что у него есть Маргарита с ее потешными выходками. Но у Маргариты была своя детская, а вскоре после рождения Гарри ее отправили к нему в Элтемский дворец. Теперь обществом Маргариты тоже наслаждался Гарри, а Артур остался один, в изоляции, среди собственного роскошного двора. Еще одно очко в копилку его ненависти к Гарри.

Все дети ощущали любовную заботу и постоянное присутствие бабушки Маргарет, но она была стара, строга и одевалась, как монахиня. Отец относился к ней с большим уважением, а сама она обожала его, это было ясно, ведь он ее единственный сын, одержал победу при Босуорте и стал королем. Леди Маргарет часто интересовалась здоровьем Артура, и ей нравилось смотреть, какую работу задавали принцу учителя. Она говорила, что упорно учиться – это важно. Учение – величайший подарок. Бабушка рассказывала Артуру, какие прекрасные колледжи она основала в Оксфорде и Кембридже и в какую пользу это выльется для бедных уче-

ных. Она была очень добродетельна, его бабушка, и очень величава. Артур благоговел перед нею. Это не способствовало близости.

Человеком, которого Артур любил больше всех – хотя ему было неприятно признаваться в этом даже самому себе, ведь он знал, что должен прежде всего любить Господа, потом своих родителей, а далее родных братьев и сестер, даже Гарри, но требовать от него еще и этого было действительно уже слишком, – стала леди Дарси, которая управляла его двором. Эта женщина находилась рядом с ним с самого рождения, и однажды он слышал, как она обмолвилась, что много лет назад воспитывала другого принца и делала это так хорошо, что королева назначила ее растить своего сына.

В детской с вездесущими розами Артуру было спокойно; ему нравилось валяться на алых дамастовых подушках с книгой или играть в солдатиков на дорогом турецком ковре, пока слуги суетились вокруг, накрывая для него на стол, или стирали его белье в огромных оловянных тазах. И рядом постоянно находилась леди Дарси, умело всем заправлявшая. Она обращалась с ним почтительно и при этом по-матерински позволяла приникнуть к своей груди, когда ему это было необходимо. К тому же у нее имелся неистощимый запас историй, Артур их очень любил. Но была среди них одна, которую леди Дарси никогда не рассказывала.

– Я хочу узнать о принце, которого вы растили до меня! – часто говорил Артур, но воспитательница всегда качала головой.

– Спросите своего отца-короля. – И она меняла тему.

Однажды, когда Артур заслужил похвалу за уроки и потому немного осмелел, он наконец отважился.

– Сир, кто был тот принц, о котором леди Дарси заботилась до меня?

Какое-то мгновение отец казался озадаченным, потом его угловатое лицо стало серьезным.

– Это был ваш дядя, покойный король Эдуард.

– Но он был моим дедом.

– Нет, Артур, ваш дед – король Эдуард Четвертый, отец вашей матери. Леди Дарси воспитывала его сына, короля Эдуарда Пятого.

Артур никогда о таком не слышал и ждал, что еще скажет отец.

– Он был братом вашей матушки.

– Но что с ним случилось?

– Он, бедный мальчик, умер в Тауэре, – нахмурился отец. – Узурпатор убил Эдуарда и его брата.

Артур был потрясен. Его учили, что король – помазанник Божий, отделенный от простых смертных, поставленный во главе народа по Богом данному праву. Как же посмел Узурпатор убить короля?! Каким же злодеем нужно быть, чтобы сотворить такое!

– Как они умерли? – спросил принц; любопытство одержало верх над боязливостью.

Отец поджал губы, Артуру было слишком хорошо известно это выражение лица.

– Разное говорят, – ответил король. – Только дурак станет всему верить. Ну хватит об этом! Не пора ли вам поупражняться в стрельбе из лука? А мне нужно проверить счета.

Отец вечно сидел со своими счетными книгами. Люди смеялись над этим у него за спиной. Артур и сам как-то раз захихикал, услышав, что ручная обезьянка отца разорвала и съела одну такую книгу.

Дойдя до тренировочных мишеней, Артур вспомнил, что слышал какие-то разговоры о принцах в Тауэре. Тогда ему пришло в голову: может, отец уклонился от ответа, так как сам не знал, что с ними случилось? Может, они на самом деле не умерли, а убежали? Артуру нравилась эта мысль.

В шесть лет жизнь Артура круто изменилась.

– Пора вам поднатореть в управлении своим владением, Уэльсом, сын мой, – сказал ему отец. – Так вы научитесь быть королем.

Артуру предстояло отправиться в замок Ладлоу в Валлийской марке. Перспектива править Уэльсом и быть почти королем сильно взволновала мальчика. К тому же это означало, что он избавится от бдительного ока отца, следящего за каждым его шагом. Но потом Артур узнал, что леди Дарси с ним не поедет, и ему вдруг совсем расхотелось ехать в Ладлоу. Он даже набрался смелости, чтобы высказать протест королю.

– Но, Артур, вы уже слишком выросли, чтобы оставаться на воспитании у женщин, – урезонил его король. – Кроме того, леди Дарси отправляется в Элтем и будет заботиться о Гарри.

Это просто невозможно вынести! Но, разумеется, придется. Артур уже знал: если отец на что-то решился, его не переубедишь, к тому же он король, и его положено слушаться. Вывать к матери не имело смысла, хотя Артур был уверен, что Гарри она не дала бы отправить в такую даль.

Леди Дарси проявила больше понимания. Пока двор Артура собирался в дорогу и слуги уносили его детские вещи, она обняла мальчика и сказала, что он уже вырос и Гарри она теперь нужна больше, чем ему.

– Будьте принцем! – добавила леди Дарси на прощание.

Артур изо всех сил старался не заплакать и чувствовал, что его воспитательница тоже едва сдерживает слезы.

Юный принц уехал в Ладлоу – мощный, неприступный замок, расположенный так далеко к западу от Лондона, что казалось, он с тем же успехом мог находиться на Луне. Много недель Артуру думалось, что он умрет от тоски по дому – по леди Дарси, по матери, по всему, что любил, по знакомым местам... даже по отцу.

Однако отец, как всегда предусмотрительный, позаботился обо всем. Он назначил камергером двора сэра Ричарда Поула. Сэр Ричард оказался веселым парнем с добрым лицом. Артуру он сразу понравился. Мальчик постепенно понял, что находиться в обществе мужчин, а не подчиняться женщинам в детской – это очень по-взрослому. И в Ладлоу, как объяснил принцу отец, у него будет очень взрослая роль: ему предстояло председательствовать в Совете марки, управлять от имени короля Уэльсом и следить за границей с Англией.

Вскоре Артур обнаружил, что Совет – штука крайне скучная. Он-то думал, что будет сам распоряжаться, но нет, ему быстро дали понять: он еще слишком мал, а потому будет лишь номинальным главой, пока не достигнет возраста самостоятельного правления, то есть шестнадцати лет. Казалось, впереди целая вечность. Тем временем он просто сидел на собраниях Совета во главе стола на своем троне, пока его двоюродный дед Джаспер, граф Пемброк, и епископ Вустера Оллок вместе с другими лордами и джентльменами решали все за него. Принц пытался проявлять интерес к их бесконечным обсуждениям, но часто ловил себя на том, что упорно борется со сном.

Тем не менее дедушка Джаспер ему очень нравился. Жизнь деда была полна военных подвигов и всяческих приключений, он помогал отцу стать королем. Артур любил слушать его красочные повествования о битвах, счастливых избавлениях от опасности и тайных заговорах; не раз они засиживались после ужина допоздна и коротали вечера за увлекательной беседой.

Были в Совете и другие юные джентльмены, которые старались сделать так, чтобы тоскующий принц почувствовал себя в Ладлоу как дома. Кузен Артура, Морис Сент-Джон, всегда был добр к нему; Морис, Энтони Уиллоуби и Грифид ап Рис стали близкими друзьями Артура.

Большую часть времени принц проводил со своим наставником и священником господином Реде. Господин Реде был директором знаменитого Винчестер-колледжа, и его трудами учеба казалась принцу легким делом. Артура это очень радовало, ведь он не раз слышал, что мальчиков, которые не выучат урок, бьют. Для него учение стало одним из занятий, в которых

он мог преуспеть. Силой он никогда не отличался. Артур не понимал, почему он не такой, как другие мальчишки, но знал точно: ему нужно потрудиться, чтобы сделать то, что другим давалось без усилий – к примеру, борьба, обращение с мечом или бег. Принца это тревожило безмерно, потому что он, как живое воплощение союза Ланкастеров и Йорков, должен был проявлять совершенство во всем и старался поддерживать впечатление, что так оно и есть. Ему всегда казалось, что он не оправдывает родительских ожиданий, хотя отец высоко ставил его как своего наследника.

Постепенно тоску по дому вытеснила из сердца принца новая, полная дел и событий жизнь в Ладлоу. Уроки, заседания Совета, спорт и военные упражнения, изрядно его выматывавшие, а также прием посещавших Ладлоу знатных людей занимали все его время. Место леди Дарси заняли две женщины, которые взялись по-матерински опекать Артура: кузина Маргарет, жена сэра Ричарда Поула, и двоюродная бабушка Кэтрин, жена Джаспера. Обе были добры к нему, и с дамами принц мог разговаривать так, как не говорил ни с одним мужчиной из своего окружения. Эти родственницы понимали его неуверенность, его ранимость и то, как осложняет жизнь принца изоляция, в которой он вынужденно пребывал из-за своего высокого статуса. И они пытались ему помочь.

Артур не был изгнанником. Когда требовалось его присутствие, он совершал долгие поездки ко двору и обратно, всякий раз удивляясь, как там идет жизнь без него. Маргарита и Гарри подрастали, и Гарри самодовольно купался в материнском внимании. Мать всегда была рада видеть Артура, с интересом расспрашивала его о жизни в Ладлоу, но временем принца распорядился отец, который настаивал, чтобы старший сын находился рядом во время приемов послов и сановников, а также на важных церемониях при дворе или в Лондонском Сити. Создавалось впечатление, будто Артур сын короля, а Гарри – королевы. В Ладлоу Артур всегда возвращался со смешанными чувствами.

Годы шли. Ему исполнилось семь лет, восемь. А когда было уже почти девять, родители, совершая объезд королевства, посетили сына в поместье Тикенхилл – его доме рядом с Бьюдли, который отец собирался превратить во дворец. Артуру Тикенхилл нравился больше, чем Ладлоу: там было уютнее и теплее в прямом и переносном смысле, и принц останавливался там так часто, как ему позволяли. Но в тот раз ему не хотелось задерживаться в Тикенхилле. Дедушка Джаспер задумал в Ладлоу чудесное развлечение, и на следующее утро, не успели отец и мать подняться, Артур уже был на пути туда, чтобы встретить родителей и показать им свое обиталище. Потом все пошли в главный зал на роскошный обед, а затем поехали к расположенному в городе сухому карьеру, который в тот день служил амфитеатром, где для услаждения короля и его свиты готовилась к показу мистерия.

Артур смотрел, как родители занимают свои места, с достоинством принимая приветствия и почести и не смущаясь взглядов людей. Он чувствовал, что всегда может перенять у отца еще что-нибудь из искусства быть королем. Однако, когда начался спектакль, не в силах устоять, переключил все внимание на сцену. Разыгрывали историю о грехопадении, и Артур громко смеялся над змием, который с тонким коварством плел словеса и извивался на сцене. Потом явился Бог со своими громами и молниями – в таких постановках без них никогда не обходится, – из-за сцены раздались громкие раскаты, и возник сияющий ангел с обнаженным мечом, чтобы изгнать из рая Адама и Еву, одетых соответственно случаю в скромные наряды из листьев. Артур позабыл о смехе, когда изгнанники медленно сходили со сцены; его объяли стыд и благоговейный ужас.

Позднее, когда Артур ужинал с родителями в замке, ему показалось, будто отец чем-то сильно обеспокоен.

– Самозванец Уорбек может вторгнуться со дня на день, – сказал король дедушке Джасперу, кустистые брови которого сразу сдвинулись к переносице.

– Кто такой Уорбек, сэр? – спросил Артур.

– Это нахальный и довольно глупый юнец, который заявляет, будто он – Ричард Йоркский, младший из принцев, пропавших в Тауэре. Это, разумеется, смехотворно.

Артур заметил болезненное выражение, тенью мелькнувшее на лице матери.

– Но почему он хочет вторгнуться? – спросил принц.

– Потому что некоторые иностранные правители введены в заблуждение настолько, что решили поддержать его! – Отец поморщился. – Но не бойтесь, сын мой. Мы готовы встретить этого самозванца и разгромим его.

– Но почему он объявил себя Ричардом Йоркским? – не унимался Артур. – Мой дядя умер.

– Он утверждает, что его спасли люди, убившие моего брата, Эдуарда Пятого, – ответила ему мать.

– Это ложь на лжи, – оборвал ее отец. – Зачем спасать младшего брата, когда вас послали убить двух принцев, стоявших на пути Узурпатора?

Мать снова приняла такой вид, словно вот-вот заплачет. У Артура мелькнула предательская мысль: «А если Уорбек говорит правду?»

Он посмотрел на королеву. Каково это – много лет оплакивать своих братьев и вдруг получить надежду, что один из них жив, а потом понять: даже будь это правдой, она не принесет счастья, ведь если Ричард Йоркский жив, он должен быть королем.

Конечно, отец прав. Он победит самозванца. В этом Артур не сомневался. Когда на следующий день его родители уехали в Шрусбери, он попрощался с ними, не испытывая тревоги.

Самозванца поймали и заставили публично признаться, что он не Ричард Йоркский, а сын счетовода из Турне. Его посадили под домашний арест в Вестминстере, держа под строгим надзором. Услышав эту новость от бабушки Джаспера, Артур подумал, что отец проявил непомерную снисходительность. Если бы решение было за ним, он скорее велел бы казнить негодяя не только за измену, но и за то, что тот так расстроил мать.

Артуру было уже почти одиннадцать. Он наконец достаточно повзрослел для официального обручения с испанской инфантой Каталиной, хотя последние несколько лет принц редко вспоминал о женитьбе. Его вызвали на церемонию во дворец Вудсток рядом с Оксфордом, куда отец и мать должны были приехать из Лондона.

Отец суетился и продумывал каждую мелочь: нужно произвести впечатление на испанских послов и благородных гостей.

– Вы подросли с тех пор, как я видел вас в последний раз, сын мой, – сказал он. – Стали выше, чем обычно бывают юноши в вашем возрасте. Это платье вам теперь слишком коротко.

Артур взглянул на свой белый атласный костюм, который ему сшили весной, выставил вперед ногу. И правда, накидка далеко не доставала до его костлявых лодыжек. Отец уже звал портного. Потом он пожаловался, что стол для пира в честь помолвки выглядит недостаточно празднично, и слуг спешно отправили в соседний лес за зелеными ветвями.

Наконец, когда все было готово, Артур стоял в главном покое перед архиепископом Кентерберийским вместе с испанским послом, доктором де Пуэблой, невзрачным маленьким человечком со смуглым лицом и крупным носом, который замещал на церемонии невесту. Принц чувствовал себя довольно глупо, когда взял руку доктора в свою и торжественно обручился с мнимой инфантой, но король с королевой взирали на это, лучисто улыбаясь. Затем де Пуэбла поздравил Артура.

– Инфанте очень повезло! Я никогда не видел принца такой замечательной красоты и изящества, – восторженно заявил посол.

Артур уже был достаточно зрел, чтобы распознать лесть, но все же ему было приятно слышать столь теплые похвалы.

– Я слышал, инфанта очень красива, – вежливо ответил он. – Я старался изучать латынь, чтобы мы могли легко общаться, когда она приедет в Англию.

– Мне говорили, что ваше высочество прекрасно владеет латинским языком, – с энтузиазмом поддержал его де Пуэбла.

– Мы надеемся, что инфанта в скором времени прибудет в Англию, – сказал отец, едва не потирая руки от удовольствия, что ему удалось заполучить такую невесту для своего сына. – Мы планируем встретить ее еще более пышными торжествами!

Артуру по-прежнему не было дела, приедет она раньше или позже. По правде говоря, он надеялся, что это произойдет еще не скоро, потому как доктор Реде объяснил ему, используя в основном латинские слова, что влечет за собой брак (оба они при этом порозовели от смущения), и Артур точно знал, что пока не готов. Та его часть, которая должна была сослужить эту службу, никоим образом не могла исполнить столь важную обязанность, и принцу пришлось лишь молиться о том, чтобы от него этого не потребовалось еще хотя бы год.

За четыре месяца до тринадцатилетия Артура свадьба состоялась – опять через доверенное лицо; церемония прошла в часовне Тикенхилла. Усадебный дом теперь превратился в прекрасный дворец, окруженный обширным охотничьим парком, и именно там Артур чувствовал себя счастливым, как нигде и никогда. Обязанности регулярно призывали его в Ладлоу, а иногда ко двору, но он стал старше и уже умел изъяснять свою волю. В те дни, когда принц декларировал свои желания определенным тоном, люди спешили их выполнить, так что он часто оставался в Тикенхилле.

Положение женатого мужчины мало что изменило в его жизни. Доктор Реде в начале года ушел в отставку, а на его месте появился слепой монах, отец Андре, но уроки продолжались, как прежде. Артур с удовольствием углублялся в чтение. Он запоем поглощал произведения древних классиков, труды по истории и философии. Принц видел, что его друзья, Морис, Энтони и Грифид, любят сражаться на турнирах, бегать по арене и бороться, но сам с годами не становился сильнее. У него по-прежнему не хватало энергии для таких занятий. Артур подозревал, что молодые люди считали любовь к учению, сдержанность и задумчивость необычными для принца качествами. Но ему нужно было превосходить всех хоть в чем-то.

В конце концов он произвел впечатление на отца Андре.

– Ваше высочество, кажется, запомнили наизусть всех лучших латинских и греческих авторов! – восторженно умилялся он.

Тем летом в учебный класс к ним стал приходить доктор Линакр, врач отца и великий ученый. Его рассказы о времени, проведенном в Италии, и крупных современных мыслителях, таких как Эразм Роттердамский, были весьма интересны и поучительны для принца. Артур затрепетал от волнения, когда, получив в подарок от доктора Линакра один греческий текст в его собственном переводе, обнаружил, что тот посвящен ему.

Тем не менее принц не мог совершенно выбросить из головы мысли о своей женитьбе. Наставники принуждали его регулярно писать инфанте на латыни и советовали, что именно.

– Есть определенные чувства, которые джентльмен должен выразить по отношению к своей жене, – говорил отец Андре.

И это он-то, который никогда не знал и не узнает, что значит быть женатым!

– Вы должны любить друг друга. Начните так: «Самая прекрасная и превосходная леди, моя дражайшая супруга, я желаю вам крепкого здоровья и от всего сердца свидетельствую вам свое почтение...» – Монах диктовал дальше, а Артур писал своим слитым итальянским почерком: – Я прочел премилое письмо вашего высочества, из которого сразу понял, что вы меня очень любите. Воистину, эти послания, выведенные вышей собственной рукой, так радуют меня, что я представляю, будто видел ваше высочество, говорил с вами и обнимал свою дражайшую супругу. Не могу передать, как сильно мое желание лицезреть ваше высочество...

Артур хотел бы, чтобы эти слова что-то для него значили, но перспектива жить с инфантой, какой бы милой она ни была, совсем его не вдохновляла – особенно ту его часть, которая, судя по шуточкам джентльменов, должна была волноваться больше всего. На самом деле она вообще редко шевелилась. Но к этому времени с ним ведь точно что-то уже должно происходить?

Артур раздумывал, не поговорить ли с доктором Линакром, но стоило им встретиться лицом к лицу, как он утрачивал смелость и бормотал, что хотел спросить о латинском тексте, который переводит. Едва ли доктор Линакр замечал что-то неладное.

– Как тягостно мне терпеть эту отсрочку с вашим приездом... – продиктовал отец Андре.

Артур послушно записал. В действительности он испытывал облегчение оттого, что приготовления к отправке инфанты в Англию бесконечно затягивались. Отец Андре заставлял принца объясняться в горячей любви, а сам писец сидел и недоумевал, что это вообще значит.

– «Я день и ночь лелею в душе сладкие воспоминания. Пусть же ваш приезд ко мне состоится быстрее, чтобы возникшая между нами любовь и желанные радости принесли достойный плод».

Каким образом это произойдет, Артур не представлял, мысль об этом приводила его в отчаяние.

Отец Андре перечитал письмо и одобрительно кивнул.

– Именно так, именно так, – заметил он, передавая послание Артуру, чтобы тот запечатал его.

В те дни, когда бы Артур ни появился при дворе, только и разговоров было что о его женитьбе. Он изо всех сил старался изображать из себя счастливец, но иногда ощущал, что события разворачиваются сами по себе, без его участия. И еще он чувствовал себя отщепенцем в семье. Торчит себе тут, в Ладлоу, а они там все вместе или недалеко друг от друга, во дворцах на Темзе. И еще Гарри заправляет курятником в детской в Элтеме. Гарри исполнилось восемь, и его не вырвали из семейного гнезда, не отослали прочь, он с Маргаритой и малышкой Марией, которой три года, и та уже следует тенью за Гарри. И мать там, души не чаает в них всех. А он, Артур, совсем один, в изоляции, потому что, видите ли, когда-нибудь станет королем. Вместе с тем Артур знал, что Гарри многое бы отдал, чтобы поменяться с ним местами.

В тот момент все мысли Гарри были заняты побегом Перкина Уорбека из Вестминстерского дворца.

– Его ищут повсюду! – однажды сообщил Гарри Артуру за ужином, как будто смакуя слова.

– Он дурак, – отрезал отец. – С ним хорошо обращались. Он имел все удобства.

– За исключением свободы, – вмешалась в разговор мать.

– И ему не позволяли спать с женой! – всунулся Гарри.

– Мы не могли допустить, чтобы он зачал детей, которые продолжат его дело, – нахмурился отец. – Ему повезло избежать смерти, уготованной изменникам.

Артур по-прежнему был этим озадачен.

– Почему вы проявили к нему такое милосердие, сэр?

– Потому что он глупец, другие люди использовали его в своих целях. Но больше он от меня милости не дожидается. Его будут судить, как любого другого преступника.

Мать скривилась. Неужели она до сих пор думает, что Уорбек может быть ее братом? Брата она видела каждый день, должна же знать, какой он на самом деле. Но мать, верная себе, не проронила ни слова. Часто бывало трудно понять, что у нее на уме.

Когда Уорбека схватили, Гарри с ликованием возвестил об этом – самозванец в Тауэре, в камере без окон.

Артур знал, что не одного Уорбека держат в Тауэре. Ему было неприятно думать о кузене матери, графе Уорике, которого по приказу отца не выпускали оттуда с самого детства.

– Это необходимо, поверь мне, – уверенно заявил отец, когда Артур однажды спросил, чем провинился Уорик. – Он королевских кровей, и его легко могут выставить в качестве претендента на престол те, кто хочет лишиться власти.

Артур знал, что множество злых людей готовы строить заговоры против его семьи, потому что еще оставались в живых несколько наследников дома Йорков, зарившихся на трон. Некоторые из них поддержали Перкина Уорбека. Артур понимал, почему отцу приходилось так сурово обходиться с Уориком, и все же судьба безвинного узника тревожила его. Каково это – быть оторванным от всех друзей и лишенным всяческого образования; сидеть в тюрьме без каких-либо занятий и развлечений? Неудивительно, что, по слухам, Уорик гуся от каплуна не мог отличить.

Той осенью, вернувшись в Ладлоу, Артур несильно удивился новости о том, что Уорбек и Уорик вместе замыслили измену. Обоих казнили. Едва ли стоило винить несчастного Уорика, ухватившегося за последний шанс скинуть с трона человека, который украл у него жизнь, но заговор был невероятно глупый. Как могли эти два недоумка решить, что им удастся сбежать, мало того – захватить Тауэр и поднять восстание? Но по глупости или нет, то, что они сотворили, есть измена по всем понятиям, и за это они заслужили смерть.

Вскоре после их казни Артура снова вызвали ко двору, и он был рядом с королем, когда тот давал аудиенцию испанскому послу. Они обсуждали свадьбу уже в который раз, но отец выглядел еще более оптимистичным и довольным, чем обычно.

– Вашему превосходительству, разумеется, доставит удовольствие сообщить своим государям, что в этом королевстве не осталось больше ни капли сомнительной королевской крови, только истинная – моя, королевы и, самое главное, принца Артура, – сказал он.

– Их величества будут рады это услышать, – ответил доктор де Пуэбла своим обычным елеиным тоном. – Давайте займемся приготовлениями к свадьбе.

Он засиял улыбкой и посмотрел на Артура.

Принцу показалось, что рухнул некий барьер, преграждавший ему путь к браку. Он резко взглянул на отца, но тот увлеченно говорил о торжествах по случаю встречи инфанты, и, судя по его виду, все шло совершенно нормально. Артур больше об этом не думал.

На дворе стоял 1500 год. Начиналось новое столетие. Люди говорили о золотом веке, который настанет в правление короля Артура и королевы Каталины. Артур знал, что его отца не любили: введенные им налоги были весьма обременительны. Но он принес мир раздираемому гражданской войной королевству; его казна была полна, и он сумел добиться союза с Испанией. В январе Артуру сообщили, что инфанта приедет в сентябре, когда ему уже исполнится четырнадцать. Принц молился, чтобы к тому времени он уже был готов к браку.

Однако весной он почувствовал себя неважно, будто вот-вот сляжет в лихорадке; стал обильно потеть, хотя погода была не особенно теплой, а потом начался кашель. Доктор Линакр поставил диагноз – лихорадка. Беспокоиться не о чем, заверил он.

К лету Артур сильно потерял в весе. Он всегда был сухощавым и долговязым, недавний рывок в росте лишь усугубил его худобу, но теперь принц будто съеживался внутри своей одежды и по-прежнему плохо себя чувствовал. Приезжая ко двору, старался не привлекать внимания к своему недугу. «Это просто лихорадка», – небрежно отмахивался он.

Но мать смотрела на него с тревогой.

– Мальчик мой, вы горите, – сказал отец, неожиданно приложив руку к его лбу.

– Это ничего, – отозвался Артур. – Доктор Линакр утверждает, что мне не о чем беспокоиться.

Однако отца и мать его слова явно не успокоили.

– Артур, – заговорил отец, отведя принца в сторонку, – инфанта будет здесь через несколько недель, и скоро настанет время, когда вам придется исполнить свой супружеский долг. Вы понимаете, о чем я говорю?

Артур кивнул и сильно покраснел, отчего пришел в полное замешательство.

– Мы не хотим, чтобы вы перенапрягались, особенно на фоне затяжной лихорадки. Думаю, будет лучше, если вы окончательно вступите в брак, но после этого будете жить с инфантой отдельно по крайней мере года два.

Ничего другого Артур и желать не мог, за исключением той части, которая касалась окончательного вступления в брак. Если ему не станет лучше, едва ли он с этим справится.

– Да, сэра, – повторил он.

Отец с любопытством взглянул на него:

– Я ожидал услышать возражения.

– Это ни к чему, сэра, – ответил Артур.

– Мы не хотим, чтобы вы слишком напрягали свои силы, – добавил отец. – Молодым людям опасно чересчур усердствовать на брачном ложе. Брат инфанты, испанский наследник, умер от этого.

Артур слышал эту новость и был уверен, что из всех людей на свете инфанта лучше всех его поймет.

Шли недели, кашель Артура усиливался. Он все худел и худел, но не собирался уступить проклятой лихорадке – он не сдастся, ей его не одолеть. Принц не мог допустить, чтобы хоть кто-нибудь усомнился в его пригодности на роль преемника отца. Мысль, что его обойдет Гарри, была невыносима.

К счастью, такая мысль, видимо, ни разу не приходила в голову отцу. Он увлеченно рассказывал всем, что не пожалеет никаких расходов на свадьбу своего наследника, хотя приезд инфанты все откладывался то по одной причине, то по другой. Артур начал думать, что она вообще не появится, но в марте 1501 года, когда ему уже исполнилось четырнадцать, из Испании пришло известие, что инфанта наконец отправилась в путь.

Король, вне себя от радости, отсыпал четырнадцать тысяч фунтов на украшения для счастливой четы. Но на море разыгрались шторма, и флот инфанты был вынужден вернуться в Испанию. Только в октябре Артур узнал, что его нареченная наконец-то ступила на английскую землю в Плимуте.

Артур тогда находился в Ладлоу. Симптомы его болезни скорее обострились, чем ослабли. В последнее время он при кашле испытывал боль в груди, иногда на его платке появлялись пятна крови. Однако принц по-прежнему делал вид, будто все хорошо, и тайком смыл красные капли с платка.

Неужели его ждет смерть? Ему рассказывали о людях, которые кашляли кровью и вскоре умирали. По правде говоря, он чувствовал себя так скверно в те дни, что его это почти не беспокоило. Ну, по крайней мере, к своей участи он был безразличен. Это родители станут по нему горевать. Смешно будет, если он умрет как раз в тот момент, когда его женитьба после тринадцати лет переговоров наконец станет реальностью. Артур посмотрел на себя в зеркало и увидел жалкую пародию на принца, каким он был совсем недавно. Хорошенький жених для инфанты, ничего не скажешь! Он молился, чтобы перемены в его внешности не поразили слишком многих.

Крайне важно было вести себя как прежде, сохранять видимость, что все нормально. Он не хотел расстраивать ни отца, ни мать, ни кого бы то ни было еще. Как бы плохо ему ни стало, он не поддастся; не важно, что это за болезнь.

Еще в Ладлоу Артур получал сообщения о том, как восторженно встречали люди инфанту в Плимуте, какие турниры и пиры король устроил в Тауэре, чтобы отметить ее при-

бытие. Потом пришел вызов ко двору, и началась неизбежная поездка сквозь золотую сельскую осень к браку.

Кортеж Артура уже продвинулся в Гэмпшир, когда посланец короля остановил движение и объявил: его величество желает, чтобы дражайший сын встретился с ним в Истхэмпстеде, рядом с Уокингом, откуда они вместе поедут встречать инфанту.

По мере того как Артур со свитой приближался к Истхэмпстеду, его все сильнее охватывал страх. Он к этому не готов. Встретиться с невестой – это для него все равно что обвенчаться с Гарри. Однако отец, когда Артур присоединился к нему, был так взволнован, словно собирался на собственную свадьбу.

– Мы должны увидеть принцессу! – воскликнул он. – Судя по донесениям, сегодня она заночует в Догмерсфилде.

– Я думал, мы будем встречать ее в Лондоне, сэр, – сказал Артур.

– Такой был план, – отозвался отец, – но я хочу увидеть невесту сына и удостовериться, что она действительно под стать вам, как меня убеждали.

Артур подался вперед в седле:

– У вашей милости есть основания полгать, что это не так?

– Нет, вовсе нет, – ответил король. – Но если я и вынес какой-то полезный урок из своей жизни, так это не доверять никому. *Caveat emptor!*¹

Когда они прибыли на место, Догмерсфилд уже погрузился во тьму. От холодного вечернего воздуха Артура пробил кашель, и, пока он безуспешно пытался подавить приступ, отец в тревоге глядел на него.

– У меня просто перехватило дыхание, – слабым голосом проговорил Артур. – Это... ничего, сэр.

Отец кивнул, спешился. Артур последовал его примеру, затем вошел за королем в Епископский дворец. Там их встретили доктор де Пуэбла и два по-иноземному одетых испанца: камергер инфанты, который приветствовал гостей в избыточно цветистых выражениях, и устрашающего вида дама с оливковой кожей и острым носом – она представилась как дуэнья инфанты, донья Эльвира. По ее манерам можно было подумать, что король и принц – какие-то головорезы, явившиеся похитить ее воспитанницу.

– Я хочу видеть принцессу! – произнес отец довольно любезным тоном. Артур при этом набрал в грудь воздуха и внутренне подобрался, однако дуэнья ошетибилась и стала возмущенным тоном балаболить по-испански.

Доктор де Пуэбла повернулся к отцу:

– Я сожалею, сир, но принятые в моей стране правила требуют, чтобы инфанта оставалась под вуалью, пока не выйдет замуж. Она не может принимать никого из мужчин.

Худое лицо отца потемнело от мрачных подозрений, и Артур забеспокоился, вдруг его невеста и правда какая-нибудь уродина.

– Скажите этой женщине, – приказал король тоном, не терпящим возражений, – что король и принц увидят принцессу, даже если она уже в постели.

Послышался очередной всплеск невнятного бормотания, после чего донья Эльвира, возмущенно шурша юбками, затопала вверх по лестнице.

– Ну? – рявкнул отец.

– Инфанту готовят к встрече с вашими милостями, – пояснил доктор де Пуэбла.

Наконец по лестнице торопливо спустилась миловидная испанская девушка, сделала реверанс и попросила короля с принцем следовать за нею. При входе в покои инфанты герольд объявил об их прибытии, и они увидели стоящую посреди комнаты со склоненной головой миниатюрную фигурку в алом бархатном платье, с расшитой белой батистовой вуалью, скры-

¹ Покупатель, будь бдителен! (лат.) – Здесь и далее примеч. перев.

вавшей инфанту до талии. Локоны золотисто-рыжих, блестящих в свете свечей волос спускались по спине до самых бедер. Когда король подошел к инфанте, та грациозно опустилась перед ним на колени. Сердце у Артура подскочило к самому горлу. Настал момент, которого он так боялся.

– Добро пожаловать в Англию, ваше высочество, – молвил отец, поднял инфанту на ноги и обеими руками приподнял вуаль.

Почерневшее сердце

Отец всегда считал себя джентльменом, хотя не так давно родные Марджери еще занимались ремеслом. Творческая жилка и теперь проявлялась в ее брате Уильяме, который был вышивальщиком и полноправным гражданином Кентербери, к вящему неудовольствию отца. Однако претензии Томаса Отвелла представляли в ложном свете его истинное положение: он не имел в собственности ни домов, ни земель; арендовал у аббатства Бейхэм Брокли-холл с относящимся к нему манором и хозяйствовал там.

Здесь и выросла Марджери вместе со своими братьями, Джоном и бродягой Уильямом, а также сестрой Элизабет. Уильям сбежал из дому и поступил в подмастерья, когда Марджери было всего шесть лет, а вот Джон был копией отца в миниатюре и, казалось, намеревался строить жизнь так же, как их родитель. Осторожные вложения, которые Томас Отвелл делал на протяжении многих лет, обеспечили ему комфортное существование. Кроме того, живя на периферии королевского двора в надежде заручиться чьим-либо покровительством, он пополнял свои доходы, потихоньку приторговывая то тем, то другим.

Марджери, Джон и Элизабет были близки. Внешне похожие – у всех волосы цвета меди, зеленые глаза и лица, формой напоминавшие сердечко, – да и разница в возрасте совсем небольшая. Марджери родилась перед самым началом шестнадцатого столетия, Джон вскоре после, а Элизабет еще через год. Дети все делали вместе, и отец даже позволял девочкам приходить на некоторые уроки, которые давали Джону, чтобы они, когда вырастут, умели читать и считать.

Отцовское тщеславие тешило то, что он на короткой ноге с местными джентри. Человек приятный в общении, Томас снискал симпатии ближних, а когда слава о щедром гостеприимстве хозяина Брокли-холла распространилась по округе, его стали приглашать в знатные дома. Так он и проведаль, что леди Печ из замка Лаллингстоун примет к себе в услужение молодую, хорошо воспитанную девушку. И вот четырнадцати лет от роду Марджери оказалась в путешествии: ей предстояло проделать путь длиной в шестнадцать миль по осененным листвой дорогам Кента в Лаллингстоун и занять там свой пост. Вынужденная разлука с Джоном и Элизабет, как и расставание с любимым домом, сильно опечалили Марджери.

Завидев впереди большой краснокирпичный гейтхаус², девушка оробела. Замок Лаллингстоун выглядел намного величественнее, чем Брокли-холл, который, сказать по правде, был всего лишь усадебным домом с громким именем, естественно выбранным отцом. Кучер, везший Марджери и ее багаж, ехал по длинной дорожке. Слева тянулся сад, а впереди стоял большой красивый дом. Управляющий повел Марджери по отделанным деревянными панелями комнатам и галерее через два крыла дома, окна которых выходили в закрытый двор. Повсюду пахло воском и сухими цветами, что создавало ощущение заботливости.

² *Гейтхаус* – букв. «дом при воротах»; в средневековых английских замках и городах надвратное сооружение для размещения стражи, ожидания приезда гостей и т. п., обычно встроенное в крепостную стену.

Леди Печ приветствовала гостью улыбкой. Черты ее лица выдавали породу, а прекрасное черное бархатное платье с изысканно расшитыми рукавами, гейбл³ с огромной вуалью и унизанные кольцами руки свидетельствовали о достатке.

– Мистрис⁴ Отвелл, я очень рада видеть вас, – произнесла хозяйка дома. – Моя дорогая, вы очень милы. Волосы у вас совершенно необыкновенного цвета.

Марджери старалась спрятать непослушные медные кудри под чепец и сейчас, услышав похвалу от своей новой госпожи, улыбнулась, заиграв ямочками на щеках.

– Я с нетерпением жду начала службы, мадам, – ответила она так уважительно, как только могла.

– Вы станете моей камеристкой, – сказала леди Печ. – Будете застилать постель, менять белье, когда понадобится; помогать мне одеваться и следить за моим платьем. Две мои горничные объяснят вам подробнее, в чем будут состоять ваши обязанности.

Так прошли для Марджери следующие семь лет. Это был счастливый дом, где царили порядок и достаток. Джоан и Бесс, горничные хозяйки, веселая парочка, вечно смеялись или пели. Сама леди Печ оказалась доброй госпожой, отличалась легким характером и не скупилась на похвалу. Вскоре Марджери забыла тоску по родному дому и усвоила порядки нового.

Она полюбила Лаллингстоун, его милые лужайки на берегу реки Дарент, обширный олений парк с раскидистыми древними дубами и лесными цветами. Рядом с замком, который, как считалось, построил брат Вильгельма Завоевателя, стояла симпатичная нормандская церковь Святого Ботольфа, где все домашние регулярно слушали мессы. Марджери нравились насыщенные цвета стекол в витражных окнах и крестная перегородка с вырезанными на ней розами короля Генриха и гранатами королевы Екатерины. Сэр Джон Печ возвел церковь в честь визита короля за два года до того, как Марджери попала на службу в замок. Люди до сих пор вспоминали о великолепных поединках, которые состоялись на турнирной площадке, устроенной специально к приезду государя. Марджери жалела, что ее не было здесь в тот момент, ей очень хотелось увидеть короля; казалось, он всех поразил своими удачей на площадке, красивой внешностью и сердечным обхождением.

В выходные дни слуга сопровождал Марджери в Брокли и обратно, чтобы она могла повидаться с родными. Каждый раз, приезжая домой, она замечала, что Джон еще сильнее вытянулся и возмужал. Она подозревала, что брат ее, ангельски красивый, пользовался большой популярностью у дам. Скоро он женится, и они уже не будут близки, как прежде.

Но эту утрату восполнит полувлюбленность Марджери в сэра Джона Печа. Чувства ее ни в коей мере не имели отклика, в этом она была уверена: сэр Джон слишком важная персона, чтобы обращать внимание на какую-то жалкую камеристку, хотя иногда он говорил ей что-нибудь дружелюбное. Человек этот имел очень высокую репутацию – шериф Кента, рыцарь тела короля и главный представитель монарха в Кале; но прежде всего сэр Джон был придворным и часто уезжал в Ричмонд, Гринвич, Элтем или какой-нибудь другой из королевских дворцов. Король любил его за всеми признанные верность и храбрость на турнирах.

Когда Марджери только приехала в Лаллингстоун, сэру Джону было сорок лет, красивый мужчина – прикрытые тяжелыми веками глаза, полные чувственные губы и благородный нос; волнистые волосы длиной до подбородка и крепкое телосложение, подобающее прославленному турнирному бойцу. Они с женой, происходившей из семьи Скруп, казалось, были счастливы вместе. Марджери никогда не видела, чтобы они выказывали по отношению друг к другу что-либо иное, кроме доброты и обходительности. Брак был, естественно, заключен

³ *Гейбл* – женский головной убор, популярный в тюдоровской Англии; капор, обрамлявший лицо наподобие фронтона дома с двускатной крышей.

⁴ *Мистрис* – уважительное обращение к женщине или указание на нее в разговоре.

поговору, но оказался удачным. Супруги стали хорошими партнерами, тем не менее свидетельств особой страсти между сэром Джоном и его женой не отмечалось.

Марджери знала, что испытывать чувства к женатому мужчине – это неправильно, тем более его супруга проявляет к ней такую доброту, но ничего не могла с собой поделать. И ведь об этом никто никогда не узнает. Она лелеяла в сердце свою девическую страсть, радостно баюкала ее, теряясь в мире фантазий, где сэр Джон на турнире носил знак ее благосклонности и объявлял себя ее рыцарем, клялся в вечной любви... Неопытность в общении с мужчинами останавливала Марджери, не давая уноситься в воображении дальше.

Когда сэр Джон отсутствовал в Лаллингстоуне, мир казался ей серым. Когда он возвращался, будто солнце выходило из-за туч. Марджери трепетала, видя, как он слезает с лошади, одетый в свой цветастый придворный костюм, с широкой цепью на шее, состоявшей из соединенных между собой букв S. Через год после того, как Марджери заняла свою должность в замке, сэр Джон в составе свиты сестры короля, принцессы Марии, отправился за море сопровождать ее на свадьбу с королем Франции и отсутствовал много недель. В следующем году он уезжал ко двору для участия в пиршествах и взял с собой костюм из зеленого бархата с желтыми атласными вставками, который Марджери с любовью гладила утюгом. А в следующем был в Гринвиче, где устроили турниры в честь рождения дочери короля, еще одной принцессы Марии, – в тот раз Марджери утюжила платье из бархата и атласа черного и синего цветов. Прикидывая, сколько стоит такое придворное платье, она представляла себе, каким молодцом будет выглядеть в нем сэр Джон.

Когда хозяин находился дома, он и леди Печ часто принимали гостей. Приезжали к ним в основном местные лорды и джентльмены, в числе которых, случалось, оказывался и отец Марджери, а иногда – богато одетые придворные. Марджери позволяли присутствовать в главном холле с Джоан и Бесс, когда там устраивали пиры, хотя сидели они далеко от помоста, где помещался стол для сэра Джона, леди Печ и их гостей. Она с удовольствием угощалась сытными яствами, а после трапезы наслаждалась музыкой и танцами.

В один из таких вечеров перед Марджери остановился незнакомый молодой человек, поклонился ей и пригласил на танец. Она взглянула на леди Печ, и та одобрительно кивнула. Марджери подала юноше руку и вступила вместе с ним в буйный круг танцующих. Икоса поглядывая на партнера, Марджери решила, что он довольно привлекателен: высокие скулы, длинные темные волосы и римский нос; высок, грациозен и хорошо одет – в костюм из зеленого атласа. Марджери знала, кто он. Отца этого юноши сегодня принимали в замке как почетного гостя, он многого достиг при дворе и, как сэр Джон, был любимцем короля.

По завершении танца молодой человек попросил еще об одном и еще, но Марджери заметила, что леди Печ хмуро поглядывает в ее сторону, и поняла: на третий танец соглашаться не стоит. Юноша воспринял отказ спокойно и вернулся на свое место. Ни с кем другим он танцевать не стал, а вместо этого сидел и смотрел на Марджери пылкими темными глазами.

На следующий день после обеда он подошел к Марджери, когда та собирала цветы на берегу реки. Был облачный летний день, в воздухе словно висела водяная пыль, но Марджери была рада, что ей удалось сбежать из переполненного людьми дома. Мысли ее тревожно блуждали: она не переставала думать о прекрасном молодом человеке, но при этом знала, что ее сердце на самом деле принадлежит ничего не подозревающему сэру Джону. Вдруг юноша возник перед нею, и все стало ясно.

Они сидели на берегу и разговаривали; Марджери с изумлением узнала, что ему всего шестнадцать лет. Он выглядел гораздо старше. Если она скажет, что ей недавно исполнилось двадцать, станет ли он по-прежнему искать ее общества? Но он был так обходителен, что она решила ничего не говорить, какая разница? Все равно он завтра уедет, и кто знает, увидит ли она его еще когда-нибудь? Зачем желать несбыточного? Она ниже его по рангу, и приданое

у нее небольшое. Амбициозные семьи, как у него, ищут брачных союзов, которые принесут богатства и земли. Лучше просто наслаждаться свиданием, пока оно длится.

Марджери отвела своего кавалера по тропинке в поле, где когда-то стояла старая церковь, от которой остались одни руины. Давно заброшенная, она заросла шиповником и крапивой, и им пришлось осторожно пробираться сквозь заросли, чтобы попасть внутрь. Это место завораживало Марджери, хотя смотреть там особенно было не на что – осыпающиеся стены из песчаника, плоские старые кирпичи, покрытые лишайником и пятнами сырости, да остатки ажурных рам в окнах.

– В замке есть коллекция найденных здесь вещей, – сказала Марджери своему спутнику.

Она отчетливо сознавала, что они одни в этом безлюдном месте, и не желала, чтобы молодой человек подумал, будто она привела его сюда ради чего-то другого, а не просто чтобы показать интересное место.

– Что здесь нашли? – спросил он, глядя вверх, на обломанные края балок от стропил кровли, четко вырисовывавшихся на фоне темнеющего неба.

– Кусочки цветного камня, несколько монет и осколки горшков.

Юноша повернулся к ней:

– Вы так прекрасны, Марджери. – Он протянул руки.

Что ее толкнуло на это, Марджери так никогда и не разобралась, но вдруг они слились в поцелуе таком отчаянном, словно от него зависели их жизни, и желание, ее греховное желание – о, теперь она поняла, от чего предостерегали священники, – поглотило ее целиком. Она жила лишь наполовину до сих пор? Было ясно одно: она должна обрести эту полноту, эту сладчайшую радость...

Сколько времени они пролежали на поросшей мхом земле, где он расстелил свою накидку, Марджери не могла сказать. Они как будто затерялись во времени, растворились в чуде, о каком Марджери даже не мечтала. Не было ни стыда, ни смущения, только радость и экстаз. А потом на нее снизошли великий покой и глубокое удовлетворение.

– Вас не хватает? – наконец спросил он, садясь и протягивая руку за своей рубашкой.

– Нет. Я свободна после обеда. Все знают, что я люблю гулять. – Марджери натянула на себя сорочку.

– Какое облегчение! – Он улыбнулся, одеваясь.

Она, потрясенная, задумалась: что случилось со страстным любовником, каким он только что был? Молодой человек выглядел робким, даже отстраненным, тогда как ей хотелось и дальше говорить слова любви, даже если желание удовлетворено. Тем не менее какой-то инстинкт подсказал ей, что не стоит быть слишком открытой и напористой. И отец, и леди Печ оба говорили, что мужчины не уважают девушек, которые ведут себя так.

Они поднялись на ноги. Марджери пригладила волосы, вытащила из них крошечные веточки, надела чепец и завязала его. Они пошли обратно к дому, и она показала своему кавалеру церковь Святого Ботольфа. Он держал ее за руку, пока они обходили пустое здание, и восхищался установленным по желанию сэра Джона витражным окном с изображением Иоанна Крестителя и Святого Георгия, убивающего злобного на вид дракона.

В церкви Марджери впервые отчетливо ощутила, что совершила грех. Но она ни о чем не жалела. В конце концов, об этом никто не узнает, только он, а он едва ли проболтается. А если вернется... Марджери знала точно, что снова согрешит, стоит ему только поманить. Испытав восхитительные радости любви, она изменилась. Превенная Марджери думала бы о своей чести; новую это вообще не заботило.

Он вернулся. Просочились сведения, что его отцу нужно обсудить некое дело с сэром Джоном Печем, поэтому был устроен еще один пир, и отец привез с собой сына. Во время танцев юноша опять разыскал Марджери и сделал ей сомнительное предложение, а ночью,

когда весь замок спал, она и ее любовник тайком прокрались за двери, открыв их спрятанным ключом, и кончилось тем, что они снова легли вместе в лиственном сумраке заброшенной церкви; лунный свет лился на них сквозь прохудившуюся кровлю, и совы ухали во тьме. На этот раз он был еще более пылок, ошеломил Марджери своим напором и страстью – и она пропала, безвозвратно пропала.

На следующий день он уехал, пообещав вскоре снова с нею увидеться, и Марджери занялась своими делами, как во сне. Она ни о чем не могла думать, кроме него. Ей томительно хотелось увидеться с ним снова. Она считала часы и минуты до того благословенного дня.

А потом, когда вдруг стало ясно, что у нее уже два месяца нет месячных, волей-неволей пришлось очнуться. Она в отчаянии загибала пальцы, прикидывала и подсчитывала, но результат выходил один и тот же. Случилось невозможное. Она забеременела.

Марджери слышала истории о слугах, которых выгоняли за аморальное поведение, и чувствовала, что очень сильно подвела леди Печ, потому как недостойное поведение девушки-служанки всегда плохо сказывалось на госпоже. Она не могла заставить себя признаться в случившемся этой доброй, безупречной женщине.

Что же ей теперь делать?

Старые женщины рассказывали, как избавляются от нежеланных детей, но она не могла набраться храбрости и попробовать. Этот грех страшнее тех, что она уже совершила.

Может, попытаться отправить ему записку? Она знала, где он живет – довольно далеко, и как же ей связаться с ним, не вызвав подозрений? Оставалось лишь молиться о том, чтобы он приехал снова. Но, очевидно, Господь был не расположен слушать ее мольбы.

Марджери мучилась неделю за неделей и однажды утром, не в силах больше терпеть напряжение, была вынуждена немного расшнуровать корсет. Скоро все заметят, в каком она положении, и тогда настанет расплата. В другой раз Марджери в спальне госпожи чистила щеткой ее бархатное платье, слезы капали из глаз на дорогую ткань, оставляя темные пятнышки. Увидев это, она зарыдала безудержно, безнадежно, и в таком состоянии ее застал сэр Джон, искавший жену. Когда-то Марджери готова была продать душу за то, чтобы он обнял ее, сказал что-нибудь нежное своим мягким голосом, и она ощутила бы, что в его действиях есть нечто большее, чем желание утешить расстроенную девицу, однако новая влюбленность не дала бедняжке насладиться моментом. Но ей все равно стало легче.

– Скажите, что вас тревожит, – настойчиво повторил сэр Джон, крепко сжимая ее плечи. – Вы должны рассказать мне, милая.

И Марджери выложила ему все, а он не судил ее строго и не корил. Сказал, что так и думал. Бедная девочка!

– И кто виновник? – спросил сэр Джон, и она ему открыла.

– Хм, тут могут возникнуть проблемы, – заметил сэр Джон. – Его отцу не понравится, если сына обвинят в прелюбодеянии. Я сам потихоньку отправлю записку молодому человеку и предложу, чтобы он позаботился о ребенке, когда придет время.

– Благодарю вас, сэр, о, благодарю вас! – Марджери заплакала.

Сэр Джон продумал все. Они договорились сказать, будто он нашел Марджери в обмороке, и она призналась ему, что уже какое-то время ей нездоровится, она страдает от болей в животе, и самое лучшее для нее – поехать к монахиням в приорат Лиллечёрч, где ее вылечат. Марджери была безмерно благодарна сэру Джону, которого теперь считала скорее своим спасителем, чем героем. Леди Печ и девушки от души сочувствовали ей и отправили в путь, снабдив на прощание небольшими подарками и добрыми пожеланиями скорейшего выздоровления.

И вот Марджери приехала в Лиллечёрч, древнюю монашескую обитель, которой некогда управляла дочь короля Стефана. Монастырь был бедный, и число насельниц, искавших здесь свое призвание, за годы сильно сократилось, так что три оставшиеся монахини вели тяжелую

трудовую жизнь, едва сводя концы с концами, а потому с радостью приняли существенную сумму, которую передал сестрам сэр Джон в уплату за содержание гостыи и их молчание.

Однако, следуя примеру настоятельницы, Анхоретты Унгерхорп, они относились к Марджери холодно и всячески выражали свое неодобрение. Гостевой дом был обставлен скудно, пищу подавали простую и скверного качества. Месяцы, проведенные Марджери в обители, нельзя было назвать веселым временем; жизнь страдалице скрашивали лишь письма от тревожившихся за нее родственников и подруг из Лаллингстоуна. Ходили разговоры, что монастырь закроют, чем отчасти объяснялось недружелюбие сестер: они беспокоились о своем будущем.

Марджери испытала большое облегчение, когда у нее начались роды, ведь это предвещало окончание ссылки. Ребенок, которому помогла явиться на свет сестра Годлифф, оказался здоровым мальчиком с пушистыми темными волосиками, и Марджери назвала его в честь отца, на которого малыш был очень похож. Однако, радуясь его появлению на свет, исполненная материнской любви, смешанной с желанием опекать и заботиться, Марджери тем не менее постоянно тревожилась о судьбе сына. Что-то с ним станет? От возлюбленного не поступало никаких вестей, и она не сомневалась, что он ее бросил.

Но нет. Когда приоресса Анхоретта, сестра Годлифф, сестра Анна и сестра Элизабет начали недвусмысленно намекать, что пора ей убраться из Лиллечёрча, прихватив своего ублюдка, так как деньги сэра Джона все вышли, прибыла повозка с пышнотелой, розовощекой кормилицей. Она привезла для Марджери запечатанное письмо, подписанное его острым почерком. В нем сообщалось, что ребенок будет передан на воспитание в поместье его семьи, где им займется мистрис Лемон, которая имеет очень хорошие рекомендации.

У Марджери не было выбора. Ей пришлось отдать своего малыша этой незнакомке и смотреть, как его увозят в чужой дом, где будут растить как чьего-то ребенка. Даст Бог, когда-нибудь мальчик поймет, как сильно она его любила и отпустила от себя только ради его блага. Теперь ее руки опустели, а сердце будет вечно терзаться за него.

И только после того, как, осушив слезы и собрав свои вещи, Марджери вновь взглянула на его письмо, она поняла, что в нем не было ни слова любви или нежности.

Когда Марджери вернулась в Лаллингстоун, ее бледный вид вполне соответствовал состоянию человека, перенесшего тяжелую и долгую болезнь, но никто ничего по этому поводу не сказал, так как все в тот момент тревожились за хозяина. Марджери отсутствовала всего пять месяцев, но за это время сэр Джон похудел настолько, что это вызывало опасения, и лицо его приобрело нездоровый желтоватый оттенок. В течение двух недель после приезда Марджери хозяин – жалкое подобие прежнего сэра Джона – не вставал с постели. Доктора, похоже, ничего не могли сделать для него, хотя и применяли одно средство за другим.

Леди Печ сама ухаживала за мужем, но неделя шла за неделей, и она, постепенно уставая от тревог и забот, начала все больше полагаться на нежные и умелые руки Марджери. Та была готова на все ради сэра Джона, спасшего ее от позора и изгнания. Ему тоже нравилось, когда она за ним ухаживала и читала ему. Много вечеров Марджери провела рядом с больным за разговорами – она сообщала сэру Джону обо всем, что происходит в доме, и о том, какие слухи ходят за воротами Лаллингстоуна.

– Вы хорошая девушка, Марджери, – часто говорил он, легонько похлопывая ее по руке.

Друзья не забывали сэра Джона. Как только он окреп настолько, что мог сидеть в кресле, они протоптали дорожку к его двери и как могли старались приободрить, тщательно скрывая свое смятение при виде изменившейся наружности хозяина Лаллингстоуна.

После одного из таких дружеских визитов сэр Джон сказал Марджери:

– Я слышал, королева ищет себе двух новых камеристок. Не хотите ли вы, чтобы я порекомендовал вас?

– Но, сэр, я нужна здесь, – уставилась на него Марджери.

– Такая жизнь не для вас, – горячо проговорил сэр Джон. – Вы молоды. К чему вам сидеть взаперти с умирающим?

– Не говорите так! – воскликнула Марджери.

Он потянулся к ее руке:

– Я с этим смирился, Марджери. Я прожил хорошую жизнь, у меня было все, чего может желать человек. Хотя, будь такое возможно, я бы пожелал снова стать молодым. – Сэр Джон пристально взглянул на Марджери, и она поняла, что он пытался ей сказать. – Поезжайте ко двору. Живите и будьте счастливы. Мое слово имеет некоторый вес. Место станет вашим, если вы того захотите.

Марджери закусил губу. Сказать «да» было бы эгоистично, но возможность служить королеве – слишком блестящая перспектива, чтобы от нее отказываться. Это отвлечет ее от тоски по утраченному ребенку и порадует сэра Джона. Не принять его щедрое предложение – чистая неблагодарность. Марджери от всего сердца поблагодарила его.

– А как же леди Печ?

– Я поговорю с ней, – пообещал сэр Джон. – Она поймет, что такую удачу упускать нельзя.

– Вы сказали, там два места, сэр? Не порекомендуете ли вы и мою сестру Элизабет? Она заслужила похвалы своей службой у мистрис Ропер в Уэлл-холле.

Желтое лицо сэра Джона сморщилось в улыбке.

– Конечно, я это сделаю. Для вас – все, что угодно, Марджери.

Томас Отвелл обрадовался, когда узнал, что его дочери поедут ко двору служить королеве. Он не жалел средств на сборы и снабдил их одеждой, подобающей такому месту, а потому во дворец Ричмонд сестры прибыли в красивых черных платьях из добротной материи и подходящих к ним гейблах.

Марджери трепетала, когда их привели к королеве Екатерине, ожидавшей вновь прибывших в личных покоях. Вокруг нее сидели за шитьем придворные дамы. Одна играла на лютне.

Беспокоиться было не о чем. Королева тепло приветствовала девушек с любезной улыбкой. Это была коренастая, невысокая, великолепно одетая женщина с полноватым овальным лицом, которое казалось печальным, когда было спокойно, – и неудивительно, ведь все ее сыновья умерли при рождении. Нос у королевы был прямой, слегка закругленный у основания; подбородок твердый, решительный. Говорила она с заметным испанским акцентом.

Обязанности у сестер были в основном такие же, какие Марджери исполняла в Лаллингстоуне, но в большем объеме. Марджери нравилось служить королеве. Скоро она поняла, почему Екатерину любили все, кто окружал ее: она была доброй госпожой, набожной и справедливой.

Находиться при дворе Марджери тоже нравилось. Она никогда не видела таких красивых зданий, как королевские дворцы; никогда не бывала на столь роскошных пирах и застольях. Вовлеченная в кипучую жизнь королевского двора, она смогла возвыситься над своим чувством утраты и отложить его в укромный уголок сердца как свою личную, нежную печаль, о которой никому не пришлось бы в голову ее расспрашивать.

Встреча с королем оказалась для Марджери потрясающим опытом. Королева представила ее своему супругу, когда тот однажды влетел в ее комнату – великолепный, с божественной фигурой, облеченной в расшитую сверкающими камнями золотую парчу. Марджери, вся дрожа, упала на колени, а король поднял ее и окинул пристальным взглядом голубых глаз.

– Я слышал о вас хорошие отзывы, мистрис Марджери, – произнес он неожиданно высоким для такого мужественного на вид джентльмена голосом. – Надеюсь, вам нравится при дворе.

– О да, ваше величество, – сипло ответила Марджери.

– Ни к чему меня бояться, – со смехом проговорил король, – присутствующие здесь дамы подтвердят!

Послышалось девичье хихиканье. Королева улыбнулась. Марджери пришла в себя и включилась в общее веселье. Через пару недель она чувствовала себя уже почти так же свободно в присутствии короля, как и рядом с королевой, хотя он по-прежнему вызывал у нее благоговейный трепет.

Однажды Марджери торопливо шла через двор, выполняя какое-то поручение королевы, как вдруг увидела идущего навстречу молодого кавалера в ярком костюме. Это был он!

Деваться было некуда. Заметив ее, молодой человек остановился.

– Марджери? Что вы здесь делаете?

– Я камеристка королевы, сэр, – ответила она, покраснев и задышав прерывисто и часто.

– А я ашер⁵ короля, – сказал он; наступила неловкая пауза. – Мне жаль, что так случилось.

С нашим сыном все хорошо.

– Рада это слышать! – горячо проговорила Марджери.

– Что ж, мне нужно идти, – сказал он. – Я буду передавать вам новости о малыше по получении оных.

Это стало началом довольно натянутой дружбы – натянутой, потому что Марджери таких отношений было мало. Она понимала, что ее любовь безнадежна и ей уже досталось все, чего она была достойна. Однако каждая новая встреча, очередной сдержанный разговор снова и снова бередили ее сердечную рану.

Она увидела своего бывшего любовника с новой стороны, когда два года спустя ко двору в качестве фрейлины королевы прибыла его сестра – девушка элегантная, очаровательная и остроумная. Люди, особенно мужчины, обращали на нее внимание. Марджери не замечал никто, хотя она была гораздо симпатичнее; мужчины будто понимали, что не заинтересуют ее.

В октябре того же 1522 года Марджери получила письмо от леди Печ с сообщением о кончине сэра Джона. Несколько месяцев назад он неожиданно для всех поправился и уехал в Ирландию с каким-то поручением от короля. Но оно оказалось ему не по силам, и приведшая к смерти изнурительная болезнь вернулась. В письмо были вложены одиннадцать фунтов. Сэр Джон оставил эту сумму Марджери в своем завещании. Причем упоминание о ней находилось в самом верху списка его посмертных распоряжений. Марджери даже не мечтала стать обладательницей такой значительной суммы, она положила деньги в запираемый на ключ ларчик, где хранила сэкономленное от жалованья, и задвинула его обратно под кровать. Это обеспечит ей спокойную старость.

Марджери понимала, что замуж ей никогда не выйти. Он испортил ее. Когда он женился, сердце Марджери снова разрывалось на части от переживаний. Шли годы, она едва не радовалась тому, что у его жены никак не рождаются дети. У него был только один сын, ее сын. Мальчик развивался хорошо: его должным образом обучали, и он подавал большие надежды. Марджери не сомневалась, что поступила правильно, отдав своего ребенка на воспитание в чужие руки.

Она провела при дворе шесть лет, когда навесить ее в Йорк-плейсе приехал брат Джон. Он возмужал и превратился в прекрасного молодого человека с решительными манерами. Королева отпустила Марджери после обеда, и они с Джоном отправились прогуляться по Стрэнду и Сити, где обошли по кругу собор Святого Павла, любуясь статуями и обмениваясь ново-

⁵ *Ашер* – придворный служитель, который исполнял роль привратника, встречал и сопровождал по дворцу посетителей, передавал сообщения, представлял гостей друг другу.

стями. Как приятно было снова видеть Джона. При расставании у входа во дворец он тепло обнял сестру и пообещал вскоре снова приехать в Лондон.

Больше Марджери его не видела. Через два дня она узнала, что в тот вечер рядом со своим жилищем он случайно пнул какую-то собаку, хозяин которой в ярости заколол его кинжалом.

Марджери думала, что никогда не перестанет плакать. Остановилась она, только когда он пришел и сообщил, что убийца брата арестован и его почти наверняка повесят. Новость немного утешила Марджери. Значит, она сможет жить дальше.

Но он пришел снова с лицом мрачнее тучи и сказал, что король простил негодяя.

– Почему?! – почти вскрикнула Марджери. – Как он может прощать убийц?

– Видите ли, этот человек был искренне убежден, что Джон намеренно пнул его собаку, и хотел отомстить.

– Но это не оправдывает убийство!

– Король часто дарует прощение. Ему нравится выглядеть милостивым в глазах людей.

Марджери возненавидела короля. Злость против него растревляла ей сердце. Когда королева однажды застала ее и Элизабет в слезах и спросила, что случилось, девушки не могли сказать ей правду, боясь, как бы их не обвинили в том, что они критикуют короля. Королеве они солгали, будто оплакивают своего брата и кончину лорда Уиллоуби, супруга которого была одной из ближайших подруг королевы.

Ненависть Марджери к королю еще усилилась, когда стало известно, что он обратился к папе с просьбой развести его с ни в чем не повинной королевой. Марджери любила свою милую госпожу, ей тяжело было видеть ее столь бесчестно отброшенной в сторону из-за того лишь, что она не родила сына. А когда стало очевидно, что истинным мотивом короля были никакие не угрызения совести по поводу незаконности брака с королевой, а желание жениться на мистрис Анне Болейн, в душе у Марджери закипела настоящая ярость.

С самого начала Марджери держала сторону королевы. Ей было невыносимо горько наблюдать, как Екатерина бодрится, скрывая свою печаль, и пытается сохранять достоинство, пока мистрис Анна заправляет при дворе, будто королева, и срывает злость на принцессе Марии. Марджери аплодировала стойкости своей госпожи, которая утверждала, что она законная жена короля, и храбро отстаивала свои права.

Он, естественно, был на стороне Болейнов, как и все, кто искал милостей и преференций. На этом их дружба закончилась. После того как он стал защищать мистрис Анну и сказал, что королева не имеет права на свой титул, Марджери отказалась с ним разговаривать. Сообщения о том, как идут дела у их сына, стала присылать его мать.

История затянулась на годы, так как ни король, ни королева не желали уступать. Суд собрался в Лондоне, но в конце концов дело было вновь передано папе, и казалось, решения не последует никогда. Марджери наблюдала, как королева ведет одинокую битву, отстаивает свою позицию и вызывает все возрастающий гнев короля. Наконец настал день, когда он решил, что больше не потерпит ее дерзкой непокорности, и изгнал Екатерину из двора.

Марджери отправилась с нею сперва в Мор, затем в Истхэмпстед, Элтем и Амптхилл. Она была рядом в тот момент, когда королеве сообщили, что ее брак объявлен недействительным и, так как король теперь женат на Анне Болейн, она должна называть себя не королевой, а вдовствующей принцессой Уэльской. Этот титул Екатерина носила давным-давно как вдова принца Артура, старшего брата короля. Королева храбро заявила, что она – истинная жена короля и не примет обращения к себе ни под каким другим титулом. Марджери внутренне аплодировала ей, ее ярость против короля раскалилась добела. Как смеет он подвергать эту благочестивую леди таким страданиям?!

За непокорность королеву отправили в Бакден, сырой дом в болотистой области Фенс, в сопровождении урезанного до крайности двора. К счастью, Марджери и Элизабет оказались в числе оставшихся при ней слуг. Марджери надеялась, что королеву оставят в покое, но

напрасно. Вскоре после Рождества герцог Саффолк, близкий друг короля, прибыл с отрядом солдат и потребовал, чтобы все принесли клятву, признавая новый брак короля законным, или покинули свой пост. Марджери и почти все остальные отказались.

Уволена! После тринадцати лет на службе у королевы! Марджери не могла в это поверить. И уволена без пенсии. Слава богу, она скопила сколько-то денег.

Элизабет тоже отправили в отставку. Обе сестры и остальные дамы сидели в гейтхаусе и плакали, ожидая выселения из дома. Вошел герцог Саффолк.

– Две из вас могут остаться, – сказал он. – Вдовствующая принцесса просит Элизу Даррелл и Марджери Отвелл.

Марджери вздохнула с облегчением. Потом взглянула на Элизабет.

– Не тревожьтесь, – сказала ей сестра. – С меня хватит этих печалей и тягот. Я хочу поехать домой.

Присутственный покой лишили всех королевских символов. Вместо двухсот пятидесяти фрейлин при Екатерине осталось всего три. Но королева, которая выглядела усталой и осунувшейся, была рада их видеть, обняла и расцеловала всех.

– За вашу верность я назначаю вас фрейлиной, – сказала она Марджери.

– Но, мадам, мне тридцать четыре, едва ли я могу быть фрейлиной! – возразила, утирая слезы, глубоко растроганная Марджери.

– Значение имеет ранг, а не возраст! – заверила ее королева.

Кроме Марджери, при Екатерине остались Элиза Даррелл и две испанки, Бланш и Исабель де Варгас, которые приехали с ней в Англию. Отныне, в отсутствие придворных дам, эти четыре женщины стали компаньонками и подругами королевы, находившимися при ней каждый день.

Месяцы шли, насельницы Бакдена терпели все большую нужду и лишения, которые на них навлекали умышленно. В какой-то момент Екатерину со свитой перевели в замок Кимболтон, который стал для королевы золотой клеткой. Марджери мало беспокоилась о собственном комфорте, но переживала за свою любимую госпожу, видя, как та страдает под гнетом бесконечных проблем. В начале 1535 года Екатерина слегла с сильным кашлем и лихорадкой. Женщины по очереди обтирали ее пылающий лоб влажными полотенцами и качали головой, поглядывая на опухшие от водянки ноги своей госпожи. Врачи тоже выглядели встревоженными.

Испанскому послу, мессире Шапюи, иногда удавалось присылать королеве письма, хотя вести любую корреспонденцию ей было запрещено. Марджери знала, как много значат эти письма для Екатерины, но в то же время опасалась вестей, какие они могли принести. Шапюи постоянно предостерегал королеву о том, что Анна Болейн желает ей смерти. Она сыпала угрозами и непрестанно подстрекала короля предать мечу Екатерину и ее дочь. Шапюи опасался, что злодейка может прибегнуть к яду. Была совершена попытка отравить епископа Рочестера, одного из стойких защитников королевы, и подозрение пало на Болейнов, но, разумеется, тронуть их не посмели.

Марджери и другие дамы решили держаться настороже и взялись сами готовить пищу для королевы. Горшок, в котором варили еду, поставили над очагом в комнате Екатерины, но ни одна из женщин не умела стряпать, и сперва блюда у них получались в основном несъедобные. Но Екатерина была очень благодарна им за старания, и вскоре путем проб и ошибок они нащупали верный путь – дело пошло лучше, и здоровье их госпожи тоже поправилось.

В том декабре королеве исполнилось пятьдесят.

В Кимболтоне каждую неделю собирались на рынке торговцы, и фрейлинам разрешали ходить туда за продуктами для королевы. Обычно это делала Элиза, но в утро дня рождения Екатерины компанию ей составляла Марджери; обе несли большие корзины. Королева попро-

сила жидкого супа – она в те дни ела совсем мало, – вот Элиза и отправилась купить овощей и какого-нибудь мяса из того, что было доступно в зимнее время. Марджери бродила между прилавками, присматривая сыр, орехи и хлеб. Вдруг ей почудилось, что за ней следят. Она огляделась: в нескольких шагах позади стоял молодой человек в накидке с широким капюшоном. Марджери уже видела его раньше, у лотка, где продавали пряники. Юноша взглянул на нее. Он был вылитый отец.

Марджери пошатнулась и, ахнув, зажала рот рукой. Паренек быстро подошел к ней и отвел ее к ярмарочному кресту, где помог присесть на ступеньку, а сам опустился рядом, нежно глядя на нее.

– Я знал, что это вы, – произнес он. – Отец так точно вас описал. Я не хотел вас напугать.

– Все в порядке, – выдохнула Марджери, впитывая в себя взглядом его лицо.

Нос и скулы в особенности не оставляли сомнений в том, чей он сын. У Марджери не хватало слов, чтобы выразить, какие сильные чувства ее одолевают, ведь этот юноша – ее плоть и кровь – совершенно ей чужой.

– Я давно уже набирался храбрости подойти к вам, – сказал он с трогательной мальчишеской горячностью. – Знал, что вы в Кимболтоне, и как раз был на пути в замок, когда вас увидел. Мне хотелось купить вам подарок.

Глаза Марджери наполнились слезами. Ее сын вырос красивым юношей. Ему, должно быть... сколько? Шестнадцать? Но выглядел он почти совсем взрослым. Он нашел ее по собственному желанию. Марджери это поразило.

– Вы узнали меня? – спросила она.

– Отец говорил, у вас волосы необычного цвета. Я это заметил и уже не сомневался, что это вы.

Они поговорили некоторое время о разных пустяках, что казалось странным, когда можно было столько всего сказать друг другу. Молодой человек признался, что рад находиться вдали от своего наставника.

– Вы учитесь?

– Я хочу когда-нибудь поступить в университет, если отец согласится.

Марджери вспомнила о своих сбережениях. Если этими деньгами можно обеспечить место или как-то поддержать его, она отдаст ему все. Это было самое меньшее, что она могла сделать.

– Вы пришли за покупками? – спросил юноша, обрывая мысли Марджери.

– Да. Сегодня день рождения королевы. Она попросила супа.

Лицо юноши приняло непроницаемое выражение. Марджери запоздало сообразила, что ей не стоило открыто называть Екатерину королевой. Он этого не одобрил бы, и его сын наверняка держался того же мнения. Однако молодой человек ничего не сказал.

Марджери встала. Элиза, наверное, уже ищет ее, а отвечать на неудобные вопросы ей не хотелось.

– Я должна спешить, – неохотно проговорила Марджери, слишком мало времени ей удалось провести с сыном. – Мне нужно купить душистых трав. Сад в замке совсем заброшен.

Юноша последовал за ней. У торговца травами имелся большой выбор ароматного товара, свежего и высушенного.

– Розмарин придаст супу приятный запах, – сказала Марджери, растирая между пальцами листочки. – Я возьму немного, и несколько веточек майорана.

– Позвольте мне сделать подарок королеве ко дню рождения, – произнес ее сын, порылся в кармане и протянул травнику монету. – Я восхищаюсь ею.

– Это очень мило, – удивленно проговорила Марджери, – но я не стала бы называть ее по титулу на людях. Никогда не знаешь, кто может тебя услышать.

– О да, конечно.

В этот момент Марджери заметила подходящую к ним Элизу и сказала:

– Мне нужно идти.

Юноша положил пучки трав в ее корзину со словами:

– Для королевы. – И добавил: – Я вернусь, обещаю.

– Я приготовлю суп для вашей милости, – сказала Марджери, хлопоча у котелка, пока Бланш выкладывала на блюдо холодное мясо и хлеб для остальных.

Королева съела несколько ложек супа и отложила прибор. Марджери подумала, не переборщила ли с травами? Ей так понравился поступок сына, что она прямо лопалась от нетерпения сообщить госпоже, почему сегодня ее еда столь необыкновенно ароматна.

Но королева, очевидно, слишком плохо себя чувствовала и просто не могла есть. Днем у нее случился сильный приступ удушья и желудочных спазмов, но, к счастью, они прошли, и вечером Екатерина смогла немного посидеть у огня за вышиванием. Неделю спустя, когда наступило Рождество, она присоединилась к их скромному торжеству и даже смогла съесть немного гусятины, присланной в подарок родителями Элизы.

В День святого Стефана Марджери потушила остатки мяса и добавила к нему пряных трав. Королева немного поклевала, сидя в кресле, укутанная в шаль, но вдруг просипела, что не может вдохнуть, и стала отчаянно хватать ртом воздух. Марджери и Элиза стучали ее по спине, пока, к их облегчению, Екатерина не задышала свободно. Она кашляла и жаловалась на боль, поэтому женщины уложили ее в постель и вызвали докторов. Но те мало чем могли помочь больной.

Дни тянулись за днями, боль усиливалась. Элиза отирала лоб госпожи влажной губкой и пыталась развлечь ее чтением вслух; Марджери готовила травяные настои, приправленные сухими пряностями, и благодарила сына за щедрость.

– Это смягчит горло вашей милости, – говорила она.

Но бедняжка-королева слабела. Все это видели.

После обеда в день Нового года, первый день лета 1536-го от Рождества нашего Господа, навестить королеву неожиданно приехал испанский посол. Марджери и остальные дамы очень обрадовались, увидев его. Поспешили снять с него накидку, принесли ему эля. Само присутствие мессира Шапюи благотворно повлияло на их госпожу.

Посол пробыл в Кимболтоне несколько дней, как вдруг явился еще один неожиданный посетитель – леди Уиллоуби. Она узнала, что Екатерине день ото дня становится хуже, и приехала в замок, нарушая запреты, чтобы рядом с королевой находился кто-то из старых друзей. Леди Уиллоуби была самой давней ее подругой.

Стряпня для королевы гостью не впечатлила. Она объявила, что займется этим сама. Марджери и другие фрейлины были спешно отправлены на кухню – просить ингредиенты, затребованные леди Уиллоуби для того, что в результате оказалось на удивление вкусным тушеным мясом с подливкой.

Одного блюда с леди Уиллоуби хватило. Марджери и Бланш снова было поручено заниматься стряпней, а первой из них, кроме того, велели и дальше готовить травяные настои, так как леди Уиллоуби считала их полезными для королевы.

Однако Екатерина не подавала признаков улучшения самочувствия, а симптомы болезни становились все более тревожными. Она постоянно жаловалась на сердцебиение и проблемы с дыханием.

– Я умираю, – сказала однажды утром королева. – Мне нужно составить завещание.

Это отняло у нее почти все силы, и после ей пришлось отдыхать. Леди Уиллоуби приказала Марджери принести сердечные капли, и они вдвоем приподняли Екатерину с подушек,

чтобы та могла принять лекарство. Ей удалось выпить совсем немного, и она подала знак, чтобы ее уложили спать.

Это был базарный день, и Марджери не упустила возможность сходить в город. Она надеялась, что там ее будет ждать сын. Не забыв о высказанном им желании учиться в университете, Марджери перед выходом взяла с собой сундучок, оставив в нем три четверти всех своих сбережений. Остальное она должна была припасти, ведь одному Богу известно, что может произойти, когда добрая королева отойдет в мир иной, а это наверняка случится очень скоро.

На рынке Марджери своего сына не нашла. Тогда она побрела дальше, мимо церкви Святого Андрея вниз, к реке, где ей нравилось гулять. Марджери не поняла, кто или что стукнуло ее по голове, отчего она свалилась в ледяную воду и не могла подняться, удерживаемая в глубине, пока не перестали бежать вверх пузырьки. И только два столетия спустя некий фермер, проходя по соседнему леску, наткнулся на остатки скелета, который никто не мог опознать, а рядом с ним лежали кусочки резного дерева.

Торговец воском⁶ в тревоге смотрел на епископа Лландаффа, исповедника покойной королевы.

– Милорд, мы нашли тело королевы и все ее внутренние органы в нормальном, насколько это возможно, состоянии, за исключением сердца. На нем имеется черный нарост, ужасный на вид, находящийся близко к наружной стороне. Когда я обмыл его водой, цвет не изменился, а когда сделал надрез в середине, цвет там был такой же.

Епископ нахмурился. Они были одни в пустой комнате королевы, за закрытой дверью, но он все равно оглянулся через плечо.

– И о чем это вам говорит? – нервно спросил епископ.

– Яд, – произнес свечник, понизив голос.

⁶ В то время торговцы воском и свечами были причастны к бальзамированию трупов и организации похорон.

От автора

Сюжет этого рассказа сконструирован из отрывочных сведений. У Екатерины Арагонской действительно служила девушка по имени Маргарет (Марджери) Отвелл. Она прибыла ко двору в апреле 1521 года, когда сэр Джон Печ из замка Лаллингстоун (ум. 1522) оставил ей по завещанию одиннадцать фунтов, описав как одну из камеристок королевы. В апреле 1529 года Маргарет Атвелл и две другие камеристки получили платья из желто-коричневого дамаста на подкладке из бархата в тон.

Марджери оставалась на службе у королевы до декабря 1533 года, когда была уволена за отказ принести клятву о признании брака Генриха VIII с Анной Болейн. Большинство из англичанок, служивших королеве, также отказались присягать и были уволены с постов. Екатерина заявила, что не примет никого вместо них и будет спать одетой, после чего заперла дверь своей комнаты, в результате герцогу Саффолку пришлось согласиться оставить ей двух фрейлин. Я предположила, что одной из них могла быть Марджери, второй была Элиза Даррелл.

Некую Элизабет Отвелл уволили в то же время. Вероятно, она была сестрой Марджери.

В своем завещании, составленном в январе 1536 года, Екатерина Арагонская оставляет 200 фунтов Элизе Даррелл; Бланш и Изабель де Варгас, которые сопровождали ее из Испании в 1501 году, – 100 и 40 фунтов соответственно; «миссис Марджери» получила 40 фунтов. После этого упоминания о Марджери Отвелл в исторических документах не встречаются.

В 1526 году некие Томас и Джон Отвеллы арендовали у аббатства Бейхэм, что рядом с Франтом в Суссексе, манор Брокли на западе Гринвича. Я сделала их отцом и сыном, а также связала родством с Марджери и Элизабет Отвелл. Уильям Атвелл (или Отвелл), вышивальщик, записан как свободный гражданин Кентербери между 1515 и 1543 годами. В моем повествовании он стал их братом.

В октябре 1526 года король даровал прощение за смерть Джона Атвелла (или Отвелла) Роберту Хилтону из Сент-Клемент Дейнс, он же Бёртон, графство Уэстморленд, он же Бервик-он-Твид. На основании этих сведений я выстроила историю о смерти брата Марджери.

Многие детали в рассказе достоверны, к примеру описание одежды сэра Джона Печа, а также руин церкви в Лаллингстоуне. В данный момент я не раскрою, кто был любовником Марджери, но у него вполне мог быть внебрачный сын. Результаты вскрытия были именно такими, как изложено здесь.

Остальное – домыслы. Или...

Анна Болейн

Хронология событий

- 1499 (?) год – Рождение Мэри Болейн.
- 1501 (?) год – Рождение Анны Болейн.
- 1503 год – Рождение Джорджа Болейна.
- 1509 год – Восшествие на престол Генриха VIII.
- Свадьба и коронация Екатерины Арагонской и Генриха VIII.
- 1514 год – Свадьба Марии Тюдор и Людовика XII Французского.
- 1515 год – Анна Болейн прибывает ко французскому двору, чтобы служить Марии Тюдор, и позже присоединяется ко двору королевы Клод, жены Франциска I.
- 1520 год – Свадьба Мэри Болейн и Уильяма Кэри.
- Встреча на Поле золотой парчи: дипломатические переговоры Генриха VIII и Франциска I, короля Франции.
- 1522 год – Между Англией и Францией вспыхивает война; Анна Болейн возвращается домой, чтобы служить Екатерине Арагонской, и совершает свой дебют при английском дворе.
- 1524 год – Свадьба Джорджа Болейна и Джейн Паркер.
- 1525 год – Отец Анны, сэр Томас Болейн, становится виконтом Рочфордом.
- Генрих VIII начинает ухаживать за Анной Болейн.
- 1527 год – Генрих VIII ставит под вопрос законность своего брака с Екатериной Арагонской и просит папу аннулировать его.
- Джейн Сеймур прибывает ко двору в качестве фрейлины Екатерины Арагонской.
- 1528 год – Смерть Уильяма Кэри.
- 1529 год – Томас Болейн становится графом Уилтширом, Джордж Болейн – виконтом Рочфордом.
- 1531 год – Екатерина Арагонская удалена от двора; Джейн Сеймур остается при ее дворе.
- Томас Кромвель становится главным министром Генриха VIII.
- 1532 год – Смерть Уильяма Уорхэма, архиепископа Кентерберийского, открывает путь к назначению на этот пост радикала Томаса Кранмера (август).
- Анна Болейн становится любовницей Генриха VIII.
- Анне Болейн присвоен титул леди маркизы Пемброк.
- 1533 год – Свадьба Генриха VIII и Анны Болейн.

Джейн Сеймур покидает двор Екатерины Арагонской, чтобы служить Анне Болейн.

Кранмер объявляет брак Генриха VIII и Екатерины Арагонской кровосмесительным и незаконным, а также подтверждает состоятельность брака Генриха и Анны (май).

Коронация Анны Болейн (июнь).

Рождение принцессы Елизаветы, дочери Генриха VIII и Анны Болейн (сентябрь).

1534 год – Папа объявляет брак Генриха VIII и Екатерины Арагонской законным (март).

Свадьба Мэри Болейн и Уильяма Стаффорда.

Парламент издает Акт о верховенстве, делая Генриха VIII верховным главой Церкви Англии, и Акт о престолонаследии, объявляя детей королевы Анны и короля законными наследниками.

1535 год – Казнь Джона Фишера, епископа Рочестера, сэра Томаса Мора и нескольких монахов-картезианцев.

Генрих VIII начинает ухаживать за Джейн Сеймур.

1536 год – Смерть Екатерины Арагонской (январь).

Арест и заключение Анны Болейн в Лондонский Тауэр (май).

Казнь Анны Болейн за измену (19 мая).

Шато Брии

Предисловие

В Брии-су-Форж к югу от Парижа находится старинная башня под названием донжон Анны Болейн. Никто не знает, почему она получила такое имя. Легенда гласит, что вторая жена Генриха VIII провела здесь часть своей юности; существует также множество теорий относительно того, когда и почему, – они-то и вдохнули жизнь в этот рассказ.

Замок принадлежал семье Дюмулен. Все ее члены, упомянутые в этой истории, реальные личности. Руины часовни в лесу тоже существуют, но находятся в Брантоме, департамент Дордонь. Остальное – домыслы...

1515 год

Наконец-то свободна – пусть и всего лишь на один волшебный вечер! Анна Болейн едва сдерживалась. В платье из винно-красного атласа, с распущенными длинными темными волосами, она присутствовала на большом балу при французском дворе, который устраивали король Франциск и королева Клод, ее добродетельная госпожа. Исключительный случай и голокружительный опыт, так как королева обычно сторонилась придворных развлечений.

Дворец Лувр был полон кавалеров и дам. Начались танцы, их возглавили король и его последняя любовница, на которую он бросал сладострастные взгляды. Анна с отвращением отвернулась, вспоминая, как он обошелся с ее сестрой Мэри, и решила, что скроется куда-нибудь, если Франциск вздумает двинуться в ее направлении.

Анне томительно хотелось, чтобы ее пригласил танцевать один из нарядно одетых кавалеров. Ей редко выпадала возможность с ними встретиться. Некоторые поглядывали на нее с явным интересом. Она знала, что нравится мужчинам, но удовольствие ей доставляла игра в любовь. В сердце своем – и в возрасте четырнадцати лет – она была безразлична к мужчинам. Анна усмехнулась, увидев, как одна из ее подружек-фрейлин жеманно улыбается своему партнеру по танцу. Ну и глупо же она выглядит!

Немного погодя Анне поклонился хорошо сложенный молодой человек с приятными чертами лица и длинными вьющимися волосами.

– Могу я иметь удовольствие потанцевать с вами, мадемуазель?

Она взглянула в его теплые глаза, посмотрела на широкий нос, улыбающийся рот, но больше всего ее привлекли его руки – большие, красивой формы – и исходящее от него чисто физическое ощущение силы. На нее дохнуло мужественностью, несмотря на эффектную накидку из дамста абрикосового цвета и убористо расшитые дублет и юбку.

Никогда еще Анну не влекло так к мужчине, и, пока они танцевали, а он расспрашивал ее о ней самой, она почувствовала себя особенной. Легко было загореться в ответ на столь лестный интерес к своей особе и неприкрытое восхищение.

Он сказал, что его зовут Филипп Дюмулен и он хозяин поместья под названием Гриньи неподалеку от Парижа.

– Но оно довольно уединенное, потому что находится вдали от дорог. Моя семья владеет множеством имений в этой области, большинство из них богаче моего и более интересны. Когда я не при дворе, предпочитаю гостить в их шато, а не ехать домой.

– А что вы делаете при дворе? – спросила Анна, совершая поворот под его рукой.

– В основном жду, когда король обратит на меня внимание! – со смехом ответил Филипп. – Серьезно, вы могли видеть, как я прислуживаю ему за столом. Едва ли это покрывает меня славой!

Танцевал Филипп хорошо. Пока они выполняли шаги, Анна ощущала близость его тела и запах – смесь трав и лавандового масла. Где еще она чувствовала этот аромат? Так пахло от короля Генриха Английского, вспомнила Анна, когда она танцевала с ним в Турне. Но в пользу короля говорила лишь его корона, Филипп Дюмулен обладал гораздо большим.

Он не отходил от нее весь вечер, пока чуть за полночь не закончились танцы. Они болтали и смеялись, пили вино и много раз снова возвращались на площадку. Казалось, она всегда его знала. И ей не было дела до того, как хмурит брови мадам д’Омон, *dame d’honneur*⁷, следившая за ними, надув губы. А потом Филипп взял ее за руку и сказал, что в зале жарко – не пойти ли им в сад? Анна позабыла, что случилось с Мэри после того, как ее увлекли с придворного бала, и побежала вместе со своим кавалером по галереям и пустым покоем. Из-за закрытых дверей доносились приглушенные звуки, хихиканье и вздохи, что давало понять: не они одни искали уединения.

Филипп посмотрел на Анну и улыбнулся. Они вышли из дворца в прохладную ночь, лунный свет заливал лужайку и террасу перед ними. Они шли рука в руке и разговаривали, обнаруживая общие интересы к искусству, музыке и поэзии.

Даже под сенью деревьев Филипп не пытался поцеловать ее, чего она опасалась, но прикрыл своей накидкой, сказав, что, кажется, она дрожит. Анну это очень тронуло. Потом они вернулись в главный зал, и Филипп принес для них обоих тарелку с конфетами.

Но им не пришлось съесть много.

– Король уходит, – сказал Филипп, поднимаясь на ноги вместе со всеми гостями. – Я должен идти с ним. Мадемуазель Анна, вы доставили мне большое удовольствие!

Глаза его светились теплотой, и он обнял ее.

– Прошу, обещайте, что позволите вашему почтительному поклоннику оказывать вам знаки внимания, когда вы покажетесь при дворе!

Анна хорошо знала правила этой игры в любовь, так как достаточно часто упражнялась в ней при дворе в Брабанте, когда служила регентше Нидерландов. Но тот ранний флирт ничего не значил. Это же было нечто другое, неожиданное, и ей хотелось продолжения. К тому же Филипп назвал себя ее поклонником, а это наводило на мысль, что его желания движутся в одном направлении с ее собственными.

Что ж, она должна выждать время и посмотреть, что из этого выйдет. Но боже, после того как Филипп, поцеловав руку Анны, ушел, ей было не унять свое бьющееся сердце! Сколько же придется ждать новой встречи?

Королева Клод была добра, но очень строга, и теперь это тревожило Анну. Свободы ей почти не давали, она постоянно находилась под присмотром, как же увидиться с Филиппом? Искал ли он ее, спрашивал ли, где она? Интересовался ли еще ею? Или она неправильно поняла ситуацию? Не зная ответа ни на один из вопросов – какая досада!

Через месяц после бала, когда земля купалась в июньском солнце, королева объявила, что король отправляется с армией в Италию, где поддержит своего союзника Венецию в борьбе против притязаний Испании на господство. Накануне отъезда Франциск устраивал великолепно

⁷ Придворная дама (*фр.*).

ный пир, и Клод была обязана почтить его своим присутствием. Анна пришла в восторг, узнав, что попала в число фрейлин, выбранных сопровождать королеву.

Когда все собрались в главном покое, готовые и нарядные, вошла маленькая королева, одетая в золотую парчу, и все девушки в белых платьях, как стая лебедей, присели в реверансе.

Верная себе, Клод посчитала нужным сделать им нравоучительное внушение, на которое очень немногие обратили внимание, потому что всем не терпелось отправиться на бал. Анна со вздохом выслушала призыв блюсти целомудрие с напоминанием о том, что двор – место, полное греха, и они должны оберегать свою репутацию, дабы не поставить ее под угрозу. Это вызвало в памяти Анны бледное лицо ее сестры Мэри – гораздо более поучительный урок, чем любые высокоумные слова. Даже бдительность Клод не защитила девушку от вожделения короля Франциска. Однако Клод только недавно вышла за него, и ей еще предстояло узнать, что в ее силах, тогда как Мэри уже успела сдаться – не смогла остановить Франциска, который застал ее врасплох и воспользовался своим преимуществом. Возмущенная унижением сестры, Анна была уверена, что сама она сумела бы дать отпор!

Зазвучали фанфары, все девушки проследовали за королевой в прекрасный зал, где были накрыты длинные столы, и Анна увидела собравшуюся у них толпу кавалеров. Она жадно обводила их взглядом, ища одно-единственное лицо среди общества великолепно одетых молодых мужчин, которые оценивающе рассматривали свиту королевы.

– Мадемуазель Анна! – прошипела Клод. – Добродетельная дама следит за своими глазами. Она не бросает дерзких взглядов на мужчин!

Анна вспыхнула, а ее компаньонки, подавляя смешки, выстроились за креслом королевы. Упрек был обидным. Неужели девушка не может смотреть на мужчину и оставаться добродетельной?

Новый глас фанфар возвестил о прибытии короля, и все встали. Вошел Франциск и проследовал к помосту – воплощенный сатир, одетый в алый атлас с серебристыми вставками в разрезах. Анна не смотрела на него, это животное, пока вместе с другими фрейлинами занимала свое место за боковым столом, а слуги вносили первую смену блюд.

Среди них, чудо из чудес, был Филипп – накладывал королю то, что тот выбирал из множества сочных яств, и почтительно застывал позади кресла Франциска. Именно в этот момент Филипп поймал взгляд Анны, и его прекрасное лицо осветила едва заметная улыбка. После этого они часто переглядывались, Анна к тому же то и дело косилась на королеву, которая следила за ней и другими девушками. Да ослабит Клод когда-нибудь свою неусыпную бдительность?

Казалось, трапеза будет длиться вечно, но наконец король подал знак к началу танцев – скатерти убрали и столы на козлах унесли. Анна и другие фрейлины поспешили к королеве узнать, не нужно ли ей чего. Они проводили ее в уборную, а когда вернулись, Франциск уже стоял посреди зала в паре с полногрудой красоткой, окруженный толпой танцоров. Клод помрачнела, села в свое кресло и попросила двух дам остаться с ней. Бедняжка, хромота не давала ей шансов затмить соперницу на танцевальной площадке, так что приходилось смотреть на происходящее и делать вид, что все в порядке.

Анна бочком отошла в сторонку, что было нетрудно под напором людей, и ее подхватил Филипп.

– Мадемуазель Анна! Я искал вас. – Он глядел на нее во все глаза.

– Я служила королеве, сэр.

– Сэр? – повторил он, улыбаясь. – Я думал, мы уже лучше узнали друг друга.

– Филипп, – поправилась Анна, ловя себя на том, что ей приятно произносить его имя. –

Не стоит нам здесь разговаривать. Королева – добрая госпожа, но и строгая. Она все время следит за нами. Послушать ее, так подумаешь, что все мужчины дикари!

– О да, мы такие! – с шаловливой улыбкой заверил ее Филипп.

– Тогда не могли бы вы проявлять свою дикость где-нибудь в другом месте? – парировала Анна.

– Это приглашение? – не смутился он и взял ее за руку.

– Ничего подобного! – со смехом возразила она.

Филипп вел ее через одну дверь на заполненную придворными галерею, а потом через другую – в просторную комнату, где по стенам рядами тянулись книги. Тут было темно и, слава богу, пусто.

– Это библиотека короля, – объяснил Филипп, зажигая две свечи. – Садитесь.

Он указал на один из стульев у стола и сам занял место напротив.

– Придворным джентльменам разрешено пользоваться этой комнатой. Не то чтобы я часто прихожу сюда, но сегодня она нам послужит.

Анна никогда не видела столько книг в одном месте, и в другой ситуации ей захотелось бы в них покопаться, но сейчас все ее внимание было приковано к Филиппу. Они завели беседу и снова почувствовали себя легко и свободно в обществе друг друга.

Филипп рассказал ей о своей семье. Его отец, умерший семь лет назад, был младшим из четверых братьев, и те, что остались в живых, проявляли заботу об осиротевших племянниках – Филиппе и его брате Пьере, сеньоре поместья под названием Фаронвиль. Это была семья землевладельцев, хорошо обеспеченная, с впечатляющей историей. *Oncle*⁸ Филипп, последний сеньор Фортене, был знаменитым воином и камергером покойного короля Людовика. Филипп с гордостью рассказывал о том, как его дядя в пылу битвы при Форново в Италии спас жизнь предшественнику Людовика, королю Карлу. *Oncle* Жак был сеньором Брии, племянник явно его любил и восхищался им. *Oncle* Антуан владел сеньорией Вогриньез.

Слыша все эти титулы, Анна вспоминала, как ее отец выражал надежду, что она найдет себе хорошего, то есть благородного и богатого, мужа при французском дворе. Что ж, Филипп ему наверняка понравится. В ее семье и при дворе брак зачастую не имел ничего общего с любовью – речь шла, как правило, о соответствии в статусе и о деньгах. Но Филипп подходит ей во всех смыслах! У него есть титул и земли, он из хорошей семьи, подает надежды при дворе, ему двадцать четыре, и он прекрасен. Если молодой человек не показался ей сногшибательно красивым вначале, то сейчас производил именно такое впечатление, и Анна вдруг поняла, что имеют в виду люди, когда говорят: красота в глазах смотрящего. Ее отец, скорее всего, не станет возражать против такого жениха для нее.

«Попридержи коня!» – одернула себя Анна.

Они провели вместе всего два вечера, и, разумеется, ни слова не было сказано о любви или браке! И все же такой благородный джентльмен, как Филипп, наверняка не стал бы завладевать временем уважаемой юной леди, если бы не имел серьезных и честных намерений. И она надеялась, что мысли Филиппа текут в этом направлении, ведь мужчина, чей интерес лишь в соблазнении, едва ли стал бы утруждать себя рассказами о семейной истории и поместьях.

– А что ваша матушка? – спросила Анна.

– Она умерла шесть лет назад, – ответил Филипп, – но моя тетя в Брии мне как мать. Я надеюсь, вы с ней однажды познакомитесь.

Ну вот, теперь все точно. Намерения у него честные. Сердце Анны едва не лопалось от радости.

Она рассказала Филиппу о своей семье, и было ясно, что на него это произвело впечатление. Потом они поговорили о том, как Анне живется при дворе королевы, и он рассмеялся, увидев ее гримасу при упоминании о строгости Клод.

– По крайней мере, вы будете в надежных руках, пока я в отъезде, – сказал Филипп.

– В отъезде? – печальным эхом отозвалась она.

⁸ Дядя (*фр.*).

– Да, Анна. Завтра я отправляюсь с королем в поход. Вы не знали?

Нельзя было подавать виду, что внезапно открывшаяся перспектива сильно огорчила ее.

– Конечно, как я могла не догадаться, – со всей доступной ей в тот момент легкостью проговорила Анна, хотя ее глухой голос дрожал.

– Помимо короля, этого требует от меня семейная честь. Я должен блюсти давнюю традицию! – Он поискал глазами ее взгляд, потом потянулся к ней и взял ее руку в свою теплую, красиво очерченную. – Я верно подметил, вам будет жаль, что я уезжаю?

Мгновение Анна не могла ответить ему. Она подыскивала нужные слова.

– А мне стоит сожалеть? – наконец промолвила Анна.

Филипп по-прежнему не отрывал от нее пылающих, лукавых глаз.

– Надеюсь на это, – пробормотал он.

Ей пришлось первой отвести взгляд.

– Мне нужно возвращаться. Королева рассердится, если потеряет меня.

Анна встала, и Филипп мигом поднялся, обогнул стол и оказался рядом с ней.

– Я буду скучать по вам, Анна, – сказал он, – и если Господь уберезит меня, то найду вас сразу, как только вернусь.

– Не говорите так! – воскликнула она. – Не искушайте судьбу.

И тут поняла по его улыбке, что выдала себя... и что это ничего не значит. Вспомнив, как рыцари сражаются за благосклонность дам на турнирах, Анна порывисто сняла с пальца кольцо и протянула его Филиппу со словами:

– На удачу.

Кольцо налезло ему на мизинец. Он поднес к губам ее руку, поцеловал и сказал:

– Я буду носить его с честью и считать дни до возвращения.

Анна смотрела в зеркало и думала, что теперь выглядит прекрасно. Она явно выросла и становилась более привлекательной. Ее лицо, не слишком выразительное, с мелкими чертами, светилось, глаза искрились жизнью, и все благодаря Филиппу. Она ужасно скучала и постоянно тревожилась за него, но чувствовала себя любимой, и это помогало ей переживать один пустой, беспокойный день за другим. Часто Анна заходила в королевскую библиотеку. В этом месте она особенно остро ощущала близость к Филиппу.

Время шло, долгие недели ожидания новости о возвращении Филиппа превращались в месяцы. Где он? Не грозит ли ему опасность? Если бы она только знала...

Осень застала Париж в триумфальном звоне колоколов. Франциск одержал крупную победу при Мариньяно и сделался правителем Милана. Одним свирепым броском он добился того, за что король Людовик боролся и торговался много лет. Люди обезумели от радости.

Двор королевы расположился в Амбуазе. Анна, пришивая шелковый цветок к рукаву или силясь сосредоточиться на словах в книге, могла только надеяться на то, что Филипп находится среди торжествующего победу французского войска. Новости пересекали Альпы так медленно. Франциск пребывал в Милане, потом в Болонье, но с тех прошла не одна неделя, так где теперь Филипп? Почему не пишет? Он забыл о ней? Или его письма попали не туда? Или, еще хуже, Филипп в числе павших?

Анна стояла на террасе и, не страшась холода, вглядывалась в даль – на другой берег Луары и дальше, туда, где на недоступном для глаз расстоянии мог находиться ее любимый. И тут для нее принесли письмо. От Филиппа. Написано, судя по дате, несколько недель назад – измятое, испачканное, но в нем было все, что Анна хотела узнать. Он хорошо проявил себя в бою; сам король похвалил его за храбрость; он скучает по ней и жаждет видеть; он поспешит ко двору, как только сможет.

Ей хотелось ответить ему, но он не оставил адреса, а значит, наверное, находится на марше и направляется домой. Разум ее наконец успокоился, сердце исполнилось радости. Она предавалась мечтам о будущем, которое заполнял собой Филипп.

1516 год

В январе было объявлено, что король Франциск по пути на север совершит неспешный триумфальный объезд страны через Прованс. Королева заявила о намерении отправиться на юг и присоединиться к нему. Сердце Анны радостно затрепетало. Через несколько дней она, возможно, снова увидит Филиппа!

Две недели спустя они были в Систероне, высоко в горах Прованса, где король ждал воссоединения со своими женщинами; двор собрался вокруг него. Поднимаясь в колеснице с еще девятью девушками на крутой холм, к расположенной наверху крепости, Анна напряженно вглядывалась в ту сторону в попытке разглядеть в толпе Филиппа, но тщетно.

Ступив на землю, она вдруг увидела его – он отвешивал изысканный поклон, как всегда тепло и восхищенно поглядывая на нее.

– Мадемуазель Анна! – проворковал Филипп. – Красотой вы соперничаете с Венерой! Как же я тосковал по вам.

Сердце у Анны замерло. Филипп, обретший новую уверенность благодаря успехам на поле брани, пленял ее сильнее прежнего.

– Встретимся после пира на бастионе за башней, если вам удастся ускользнуть, – сказал он и оставил ее в смятении чувств.

Анне было не дожидаться вечерних торжеств. Она наденет свое самое красивое платье – дамастовое, цвета сливы, с черной бархатной каймой, и распустит волосы, в которых будут сверкать драгоценные камни.

На протяжении всего пира Анна непрестанно посматривала в сторону Филиппа. Стоило ей скользнуть взглядом по нему, и глаза их встречались.

Уже стемнело, когда она потихоньку покинула пиршественный зал и, одетая в накидку с капюшоном, вышла из башни, миновав безучастных стражников, которые притворились, что не видят ее. Подходя к одной из могучих укрепленных стен, чтобы ждать в ее тени своего возлюбленного, она слышала шум моря в сотнях футов внизу. Филипп пришел за ней – она наконец оказалась в его объятиях, и все изменилось. За пятнадцать лет, прожитых на земле, ничто не подготовило Анну ни к чувству, которое охватило ее с такой безудержной силой и до таких глубин, ни к тому, как ответило на это чувство ее тело. И когда Филипп поцеловал ее, удивив тем, что просунул ей в рот язык, она подумала, что может умереть от радости.

– Анна, вы околдовали меня! – выдохнул он, отпуская ее губы и глядя на нее. – Вы еще милее, чем ваш образ, который я помнил, если такое возможно. Все эти месяцы вы оставались в моем сердце. Вы не представляете, как я вас желал.

Неужели возможно, чтобы два незнакомца, встретившись всего три раза, испытывали друг к другу такие чувства? Может, это любовь, та самая, о которой пишут поэты? Можно ли и вправду так быстро влюбиться?

Анна знала, что ей нельзя оставаться наедине с Филиппом. Кто угодно может их застать, и последствия будут нелегкие. Теперь она поняла, зачем установлены правила игры в любовь. Они существуют, чтобы оградить неопытных девушек от глупых поступков, не дать им выставить себя дурами и помочь сохранить целомудрие до свадьбы. Страшно было представить, как отреагирует отец, узнав, что его дочь уволили со службы за неблагоприятное поведение. На Мэри он страшно разозлился за отказ занять место при дворе Клод «по капризу», как он написал в одном из своих редких писем, и добавил, что надеется, по крайней мере, Анна его не опозорит.

– Мне нужно идти, – пролепетала она. – Я не смею остаться. Королева постоянно насто-
роже и блюдет честь тех, кто служит ей. А я свою не уступлю за все сокровища мира.

– Со мной ваша честь в безопасности, – сказал Филипп. – Намерения у меня чистые.

При этих его словах Анна затрепетала. Филипп медленно отпустил ее.

– Могу я увидеть вас снова?

– Да, – прошептала Анна, желая остаться в этом волшебном мгновении. – А теперь я
должна идти.

И под тихий стук мягких туфель она побежала обратно к башне.

Они приближались к Марселю с четырьмя тысячами солдат и двумя тысячами одетых
в белое детей, которые маршировали впереди, когда Клод, принимавшая приветствия собрав-
шихся у дороги толп, с улыбкой повернулась к сидевшей позади нее в носилках и готовой нести
ее шлейф Анне.

– Я собиралась сообщить вам, мадемуазель Анна: по словам короля, один молодой чело-
век говорил с ним о вас.

Анна удивилась. Мгновение она не могла сообразить, кто бы это мог быть, но потом
поняла, ощутив огромный прилив счастья, что, кроме Филиппа, больше никому.

– Мы обсудим это позже, – добавила королева, грациозно кивая людям. – Король и я
одобряем. Вам очень повезло.

У Анны закружилась голова от восторга. Молодой человек говорил о ней, это могло озна-
чать только одно: он хочет жениться. Не так давно она с испугом отшатнулась бы от самой идеи
брака, который казался ей делом гораздо менее восхитительным, чем пребывание при дворе,
где можно быть объектом восхищения и получать все удовольствия, какие только есть на свете.
Но теперь, как по волшебству, ее предпочтения изменились.

Она не могла дождаться, когда королева ее вызовет. Неотрывно следила за королем, кото-
рый в наряде из серебристого бархата принимал ключи от древнего порта, и вместе со всеми
была оглушена громом пушечных залпов. В нетерпении смотрела поединки на устроенном в
честь короля турнире и проявила интерес к ним, только когда настала очередь Филиппа выйти
на площадку. Он с седла поклонился ей, желая получить ее благосклонность; другие фрей-
лины завистливо хихикали. Потом Анна претерпевала муки и молилась, чтобы Филипп не
пострадал. Но он вышел из схватки победителем под радостные крики подбадривавших бой-
цов зрителей, тогда она смогла расслабиться и упивалась ощущением, что люди смотрят на
нее, избранницу этого галантного рыцаря.

В тот вечер Филипп пригасил Анну танцевать.

– Я говорил о вас с королем, – сказал он, сжимая ее руку в своей.

Она понимала, что это означает и что он не может сказать ничего больше, пока король
не подаст знака одобрения. Анне хотелось кричать от радости.

– Я знаю, – ответила она, глядя в его сияющие глаза. – Королева хочет увидиться со мной.

– Она не одобряет меня? Его величество отнесся очень благосклонно.

– Он согласен! Они оба не против. Королева мне сказала! – вскричала Анна, и Филипп
от восторга закружил ее вокруг себя.

– Есть здесь какое-нибудь место, где мы могли бы уединиться, Анна? – спросил он. –
Мне нужно поговорить с вами.

– Не сейчас, – отказалась та, замечая на себе взгляд Клод.

Но как только королева переключила внимание на что-то другое, они с Филиппом вышли
на балкон, где вечерний воздух после потной духоты банкетного зала показался им чистым
бальзамом.

Филипп взял руку Анны и поднес к губам.

– Это любовь, да? – сказал он, и глаза его при этом были как два темных колодца желания. – Прошу вас, выходите за меня замуж.

Мир вспыхнул множеством звезд.

– Это любовь, – едва слышно пролепетала Анна, – я выйду за вас.

Королева улыбалась. Глаза ее излучали доброту; улыбка выдавала мудрость, какой едва ли можно было ожидать от женщины семнадцати лет.

– Филипп Дюмулен хочет жениться на вас. Милорд король и я одобряем это и желаем дать вам свое благословение.

Анна едва не дрожала от счастья.

– Благодарю вас, мадам.

Клод улыбнулась:

– Он человек благородный. Очень подходящая для вас партия. Нужно только получить согласие его семьи и вашего отца, прежде чем вы сможете приступить к помолвке. Смею сказать, никто не станет возражать, потому что вы во всех отношениях прекрасная пара. Король сказал Филиппу, что тот должен написать вашему отцу и попросить вашей руки.

Анна чуть не плакала от радости. В тот день она сопровождала королеву в центр Марселя, где была устроена битва апельсинами, в которой с буйным весельем принимали участие король и придворные кавалеры, обстреливая друг друга плодами. Филипп с жаром включился в сражение и находился в самой его гуще, так что когда Анна отыскала его после, сплошь заляпанного желтыми пятнами и ошметками апельсиновой мякоти, то не удержалась от смеха. Вскоре они уже обнимались и целовали друг друга на глазах у всего двора, и Филипп сказал Анне, что отправил письмо ее отцу с самым быстрым курьером.

Они проводили вместе столько времени, сколько могли, пока двор медленно двигался на север. В Лионе Франциску настолько понравилось, что по его настоянию здесь остановились на три месяца. Однажды Анна сопровождала королеву на прогулке вокруг римского форума Траяна, расположенного высоко на холме, откуда открывался вид на весь Лион и широкое место слияния двух больших рек, Роны и Соны.

Филипп подошел к ней, широко улыбаясь.

– Я получил письмо. Мой дядя Жак и моя тетушка пригласили нас навестить их в замке Брии. Они хотят познакомиться с вами как можно скорее, как только мы вернемся.

– И мне будет приятно познакомиться с ними, – с горячностью отозвалась Анна.

Все по-настоящему, приглашение в гости – осязаемое доказательство. Обрести такое счастье в исполнение всех ее надежд – величайшее из благословений.

Королева стояла к ним спиной. Она с интересом рассматривала резьбу на упавшей колонне. Анна подошла к парапету, чтобы полюбоваться захватывающим видом.

Филипп наклонился и тронул ее губы своими. Она сжала его руку.

– Я счастливейший из мужчин на этом свете, – улыбнулся он, тепло глядя на Анну, и снова поцеловал ее.

Прекрасным майским днем Анна и Филипп отправились из Амбуаза по ведущей на север дороге в Брии. Их сопровождали два рыцаря, два грума и двое слуг – достаточно людей, чтобы обслужить молодого человека, только что назначенного виночерпием короля. При Анне были ее французская горничная Габриэль, которую порекомендовала одна из дам королевы, и одна вдовья женщина из хорошего рода, назначенная Клод в компаньонки к Анне, пока они не доберутся до Брии. Уверенная в чистоте намерений Филиппа, пожелавшего отвезти Анну к себе домой и познакомиться с родными, и одобрении сэра Томаса Болейна, выраженном с радостью в необычайно высокопарном письме, Клод без колебаний дала своей фрейлине отпуск, поставив

лишь одно условие – чтобы та для соблюдения приличий взяла с собой вдовицу и юную леди доброго поведения.

От предвкушения такой свободы и того, что она много дней проведет с Филиппом, кружилась голова. Обязанности при дворе и строгие правила, заведенные Клод, неизбежно разделяли Филиппа и Анну, отчего их встречи делались только слаще, но обоим их всегда было мало. Теперь они смогут быть вместе так долго, как никогда прежде, и, даст Бог, отныне не разлучатся и впредь. Анна была вне себя от радостных ожиданий.

Никаких временных рамок для визита не установили, поэтому они намеренно отправились неспешным путем в Блуа, где задержались, чтобы полюбоваться королевским замком и посетить рынок, а потом в Орлеан. Затем, останавливаясь на ночлег в гостиницах и гостевых домах аббатств и монастырей, влились в поток путешественников, направляющихся в Париж.

Однажды около полудня Филипп с Анной сидели у реки и закусывали хлебом со зрелым сыром, который купили на одном хуторе. Место было красивое и загадочное: к берегу подступал лес, ветви свисали прямо над водой, узловатые корни выглядывали из воды, как морские чудища. Поев, они выпили бутылку кислого деревенского вина. Вдова заснула и громко храпела, а слуги, подавляя смешки, послушно отошли в сторонку: господа наверняка хотели воспользоваться подвернувшейся возможностью побыть наедине друг с другом, чтобы украдкой обменяться поцелуями и прошептать слова любви.

Молодые люди, взявшись за руки, отправились обследовать пестревший солнечными пятнами лес. Впереди сквозь густую листву Анна разглядела серые каменные стены. Она пробежала немного вперед и остановилась.

На поляне, уже успевшей зарости невысоким подлеском, стояла заброшенная церковь, зловещая в своей наготе. Крыши на здании не было, только торчали вверх пики арочных оконных проемов; внутри, где когда-то преклоняли колени и молились праведники, сквозь трещины в плитах пола пробивалась трава и тонкие побеги деревьев и кустов.

– Интересно, что это за место, – произнес Филипп, подходя к Анне сзади.

– Я не знаю. Тут как будто водятся призраки.

– Здесь красиво. Взгляните на отражение церкви в воде, а какая резьба на камнях! – Он положил руки на талию Анны, потерся носом о ее шею. – И ни души!

Анна повернулась к нему, и его губы накрыли ее рот, он стал целовать Анну с новым пылом, и она почувствовала, что невольно откликается на его порыв. И вот Филипп уже тянет ее на землю. Высокая трава под ногами создавала вполне сносную мягкую постель, и они лежали, обнявшись; такого прекрасного ощущения Анна еще никогда не испытывала. Действительно, было в этом месте что-то волшебное.

Потом Филипп опустил руки вниз, к ее бедрам, и придвинул ее ближе к себе. Анна почувствовала, как что-то твердое прижалось к ней – ощущение было теплое и приятное, а дальше последовал взрыв удовольствия, и Анна отстранилась, потрясенная реакциями своего тела. Тут она вмиг поняла, что имели в виду священники и хихикающие девушки, когда говорили о точке, откуда нет возврата. И она почти оказалась там, рискуя опозориться и разрушить свою репутацию! Что сказала бы королева, если бы увидела ее лежащей вот так, как она лежит сейчас? А отец?

Анна неловко поднялась на ноги, щеки у нее горели.

– Что случилось? – спросил Филипп.

– Мы не должны заходить так далеко, – ответила Анна, сердце у нее бешено колотилось.

– *Ma chère*⁹, мы не делали ничего такого, чем нам нельзя заниматься. Нет ничего постыдного в поцелуях и объятиях.

– Но возлежать вместе! Говорят, это грех.

⁹ Моя дорогая (*фр.*).

– Возлежать вместе не означает просто лежать, моя милая Анна! – рассмеялся Филипп.

– Но я почувствовала кое-что такое, чего мне не следовало. – Румянец теперь уже заливал ее грудь, как заметила Анна, опустив глаза. – Это было нехорошо.

– Это естественно, – с улыбкой заверил ее Филипп. – Я не могу запретить себе ощущать влечение к вам.

Он неправильно понял, к чему она клонит. Лучше было оставить эту тему и ничего больше не говорить о желаниях, его или ее. Разговор уводил их на запретную территорию.

– Нам нужно вернуться, – сказала Анна, направляясь к выходу из заброшенной церкви, но при этом ступала легко-легко, будто летела.

Может быть, она и удержалась в решающий момент, но обнаружение внутри своего существа способности получать телесные удовольствия, о каких она и не мечтала, сильно взволновало и обрадовало ее. Как далеко бы она зашла, если бы отдалась на волю матушки-природы? Варианты развития событий пугали Анну.

Миновав поворот на Шартр, они прибыли в маленький укрепленный городок Гомец-ла-Виль, а затем поехали дальше по широкой зеленой равнине, все время вверх. На вершине холма они остановили лошадей, Филипп хотел показать Анне вид на прекрасную обширную долину.

– Ехать нам уже недалеко, – сказал Филипп, беря и целуя ее руку. – Посмотрите туда – вон, у подножия холма. Это Брии.

Когда они начали спускаться, показалась деревушка – дома сгрудились вокруг величественного шато с мощной квадратной башней, обведенного могучей стеной с турретами¹⁰, в нескольких местах прорезанной воротами, к которым вели подъемные мосты.

– Моя семья живет здесь семьсот лет, – сказал Филипп Анне, – но замок перестроен в правление нашего великого короля Филиппа Августа, примерно в тысяча двухсотом году.

– Замок моего отца, Хивер, тоже построили в те годы, – отозвалась Анна. – Он меньше этого, скорее, похож на усадебный дом, но он красивый.

– У моей семьи значительные земельные владения в этой части страны и несколько замков, – сообщил Филипп. – Мы как-нибудь съездим и посмотрим на мой, в Гриньи. До него отсюда меньше тридцати миль. Он станет нашим домом, *ma chère*, но, разумеется, мы будем часто ездить ко двору.

– Пока у нас не появятся дети, – подхватила Анна.

– Да! Шестеро крепких сыновей и шесть прекрасных дочек! – рассмеялся Филипп.

– Вы слишком спешите! – урезонила его Анна. – Я хотела бы немного с этим повременить.

– Дети появляются, когда их посылает Господь, – заметил Филипп.

– Что ж, мне не слишком нравится перспектива сидеть в деревне и растить их, пока вы развлекаетесь при дворе! Такова судьба моей матери, жизнь у нее совсем пустая и скучная.

– Тогда мы будем осторожны, Анна. Есть способы предотвратить появление детей. Положитесь в этом на меня.

Анна томительно ждала дня их официальной помолвки. Уже скоро, она знала – как только его родные познакомятся с ней и одобряют как невесту. Тогда назначат день свадьбы. Она всегда представляла себе, что выходит замуж весной, но до весны еще долго! Невыносимо столько ждать. Они могли бы пожениться на Рождество.

– Какая там красивая церковь! – восхитилась Анна, указывая на Брии и думая о тихом венчании в присутствии родных Филиппа.

¹⁰ *Туррет* – пристройка в виде башенки на стене здания.

Может быть, и ее родственники смогут приехать. Отец, к примеру, если ему позволят обязанности. Брат Джордж наверняка появится. Мэри, скорее, нет, и ладно; она наверняка будет умирать от зависти.

Они въехали в Брии, распрощались со вдовой, а Анна все продолжала безмятежно строить воздушные замки.

Жак Дюмулен, сеньор Брии, и его невероятно толстая и очаровательная супруга Антуанетта оказались добродушной и гостеприимной парой. Они сердечно расцеловали Анну при встрече, пригласили ее в свое шато, обняли Филиппа и провели их обоих по лестнице через туррет в холл, где слуги торопливо подавали вино и сласти.

Tante¹¹ Антуанетта, как называл ее Филипп, окинула Анну оценивающим взглядом и сказала племяннику:

– Ваши отец и мать гордились бы такой невесткой. – Она повернулась к Анне. – С тех пор как они умерли, мы пытались занять их место. Это самое меньшее, что мы могли сделать для нашего дорогого мальчика. Филипп считает Брии своим вторым домом.

Тетушка Антуанетта улыбнулась племяннику. Все трое явно были сильно привязаны друг к другу.

Oncle Жак пожелал узнать о новом короле и событиях при дворе, поэтому целый час был отдан сплетням и обмену новостями.

– И когда же состоится помолвка? – спросила тетя Антуанетта. – Я так люблю свадьбы!

– Как только мы обо всем условимся, – ответил Филипп, улыбаясь Анне. – Может быть, пока мы здесь.

– О, это было бы прекрасно! – воскликнула тетушка.

– Анна, я слышал, ваш отец – верный слуга короля Англии и исполняет должность посла, – произнес дядя Жак. – Я надеюсь, он дал благословение?

– Да! – отозвалась Анна.

– И вы довольны жизнью во Франции? Не скучаете по Англии?

– Совсем не скучаю, – заверила его Анна. – Мне нравится здесь.

– Анна – восходящая звезда при дворе, – похвалился ею Филипп. – Королева Клод очень высокого мнения о ней.

– Замечательная рекомендация! – воскликнула тетя Антуанетта. – И вы вполне ей соответствуете, *ma chère*.

Анна купалась в тепле, которое изливала на нее хозяйка дома. Это была не придворная лесть, ее похвалы звучали искренне.

– Филипп, нам нужно поговорить, – сказал дядя Жак племяннику. – Пойдемте вниз, в зал суда¹².

– Давайте я покажу вам вашу комнату, мадемуазель. – Тетушка Антуанетта встала.

Тяжело взбираясь по ступенькам, она потащила свое грузное тело вверх по узкой винтовой лестнице; Анна и ее горничная поднялись следом и за хозяйкой вошли в спальню на третьем этаже. Кровать и стены здесь были завешены темными шторами с цветочным рисунком; в воздухе пахло цветами, у пустого очага стоял небольшой стол со стулом, а для Габриэль имелся топчан с соломенным тюфяком. Вид из окна открывался захватывающий: внизу виднелись крыши Брии, а за ними акр за акром тянулись вдаль разбросанные по холмам зеленые поля и луга.

– Мужчины обсудят финансовые вопросы, – пояснила тетя Антуанетта, успокаивая дыхание.

¹¹ Тетушка (*фр.*).

¹² В средневековых замках действительно имелись залы, где проводили судебные разбирательства.

Анна знала, что это не составит проблемы. Ее отец был небеден и мог обеспечить дочь хорошим приданым.

– Красивая комната, – сказала она. – Благодарю, что вы так тепло меня принимаете.

– Благослови вас Господь, дитя, – отозвалась тетя Антуанетта и прижала Анну к своей пышной груди.

Когда позже при звуке охотничьего рога Анна, умытая, посвежевшая и готовая к ужину, вышла из своей комнаты, Филипп спускался с верхнего этажа. Он привлек ее к себе и долго целовал, пока она не оттолкнула его, смеясь, и не сбежала вниз, где был накрыт стол на четверых.

– Хорошо спать в палатке под крышей! – пошутил Филипп. – Такое ощущение, что я в кладовке.

– Глупости! – с укором возразила тетушка. – Мы сделали комнату очень уютной! И с твоими молодыми ногами забраться туда не проблема. Мадемуазель Анна, эта лестница меня доконает. Слава богу, мне редко приходится подниматься выше второго этажа. А теперь, прошу вас, садитесь.

– Я напишу вашему отцу, – сказал Филипп Анне, – и попрошу одобрить мое предложение вдовьей доли, которую я готов вам выделить. Это будет щедрая доля.

Глаза Филиппа излучали тепло. Анна оценила его деликатность – он не упомянул о приданом, которое получит за ней.

– Уверена, он быстро ответит, – с улыбкой отозвалась она.

Ужин был обильный, явно в честь Анны. Подали два отличных куска жареного мяса, брюкву в меду, лосося в горчичном соусе, пирог со шпинатом, яйца с чем-то вроде заварного крема и несколько сортов очень изысканного сыра. Все это запивали добрым вином. Голова у Анны кружилась, когда хозяева встали из-за стола и сказали, что будут ложиться.

– Затужи свечи, когда пойдешь наверх, Филипп, – распорядился дядюшка Жак. – Пусть Господь дарует вам спокойный сон.

Когда старики ушли, Анна и Филипп посмотрели друг на друга.

– Не могу поверить, что они оставили нас одних, – подивилась Анна.

– Они дают понять, что доверяют нам, – обвивая ее руками, сказал Филипп и зарылся лицом в ее волосы. – Кроме того, вероятно, они считают, что мы уже любовники.

Анна была изумлена. Очевидно, во Франции свои порядки!

Она томительно ждала, когда состоится помолвка, будет подписано соглашение, даны при свидетелях торжественные обеты и подарено кольцо. Тогда все уже было бы решено. Филипп обещал купить Анне кольцо с камнем, какой она выберет, как только будет достигнуто согласие по всем вопросам. Пожалуй, ей хотелось получить перстень с сапфиром или рубином. Но что значило кольцо на фоне того, что они остались здесь одни, обнимались и целовались? Чувства переполняли ее.

Филипп и Анна сидели у очага на скамье с высокой спинкой, среди подушек, прижавшись друг к другу. Филипп начал ласкать ее. Его прикосновения были так нежны. Все чувства Анны пришли в возбуждение.

– Я люблю вас! – прошептал Филипп, крепко сжимая ее, и она почувствовала силу его желания.

«Как легко было бы сейчас уступить», – только и успела подумать Анна, потому что сама желала его не меньше.

Все прочее не имело значения. Его пальцы, его губы оказались у нижнего края выреза платья – божественные ощущения, и ей хотелось, чтобы он продолжал; хотелось еще раз испытать это нарастающее удовольствие, и пусть оно дойдет до конца...

Филипп поднял юбку Анны, и его рука скользнула по ее икре. Сидевший глубоко внутри охранительный инстинкт предостерег Анну: дальше идти не следует. Кое-как ей удалось вспомнить, что она не какая-нибудь девка-служанка, которую можно завалить в постель когда вздумается. Мягко и неохотно она отвела руку Филиппа.

– Позвольте мне прикоснуться к вам! – молил он. – Я прошу лишь о прикосновении.

– Это будет неправильно, – прошептала Анна.

– Вы тоже хотите меня!

– Да! Но мы должны подождать.

– Мы скоро поженимся, – возразил Филипп. – Чем это может нам навредить? Я же не прошу вас расстаться с девственностью. Есть другие способы, какими любовники могут доставить друг другу удовольствие. Позвольте я вам покажу!

Его рука прокралась по корсажу, нащупала сосок и начала играть с ним. Ощущение было столь приятное, что Анна едва не сдалась.

– Нет, Филипп. – Ей и самой казалось, что она отнекивается вполсилы.

Сделав невероятное усилие над собой, она отстранилась и села. Юбки и волосы были в беспорядке. Неужели это она, Анна Болейн, дочь рыцаря и внучка герцога Норфолка? Анна Болейн такими вещами не занимается!

– Пойдемте спать, – сказала она, с трудом заставляя себя встать.

О, скорее бы наступил тот день, когда они смогут законно лечь в постель вместе!

Филипп взглянул на нее, поймал ее руку.

– Я уважаю ваши желания, но не могу побороть свои. А потому прошу вас, подумайте о том, что я вам сказал, и сжальтесь надо мною. До нашей свадьбы, может статься, пройдут еще месяцы. Как я могу столько ждать? Как вы сможете?

– Время пролетит быстро, – ответила Анна, зная, что оно в любом случае покажется вечностью. – А теперь спокойной ночи, сердце мое.

Она взяла свечу и направилась к лестнице.

– Je t'adore¹³, Анна, – тихо бросил ей вслед Филипп голосом, напряженным от неутоленного желания.

На следующий день Филипп показывал ей замок. Они забрались на самый верх лестницы и вышли на крышу, обведенную зубчатой стенкой с четырьмя турретами по углам.

– В старые времена, если замку грозила опасность, их использовали, чтобы наблюдать за округой, – объяснил Филипп, крепко обнимая одной рукой Анну; ветер трепал их волосы. – Брии строили для защиты. Взгляните на эти стены, они три фута толщиной.

– Хивер тоже строили для защиты, – ответила Анна, – но его укрепления ни разу не проверяли на прочность. Мне было бы неприятно жить в месте, где пролилась кровь.

– Но вы скоро будете жить в Гриньи, – сказал Филипп с лукавой улыбкой, – а там творились всевозможные гнусные дела. Призраки, таская за собой цепи, блуждают по зубчатым стенам, и замурованные в башнях духи воют в каминных трубах!

Анна игриво стукнула его, а он изобразил, что в ужасе от нее отшатывается.

– Мой брат, бывало, пытался пугать меня такими сказками, но у него ничего не получалось! – ответила Анна.

Они спустились по лестнице на нижний этаж, и Филипп провел ее в зал суда. Там на стене был нарисован скрещенный с мечом крест.

– Здесь мой дядя принимает своих вассалов, – сказал Филипп. – Король Людовик Одиннадцатый даровал сеньорам Брии право вершить правосудие и вешать преступников.

¹³ Я тебя обожаю (*фр.*).

– То есть ваш дядя Жак может осудить арендаторов своих земель на смерть? – изумленно спросила Анна.

– Они не арендаторы, Анна. Они – серфы, верные ему и земле. Так устроена жизнь во Франции.

– В Англии все иначе, – сказала она. – Теперь там нет серфов, только свободные люди, арендаторы и йомены.

– Вам нужно привыкать к другим порядкам, *ma chère*. Но не тревожьтесь, я буду рядом и помогу. – Он наклонился и поцеловал ее нежно, как ей нравилось. – Видите ту дверь в стене? Во время войны крестьяне укрываются в этой комнате, а через ту дверь могут сбежать. Гарнизон замка при осаде может выйти через нее наружу, сесть на коней и внезапно атаковать врага, а когда мы с Пьером были детьми, то использовали ее, чтобы неожиданно нападать друг на друга!

Анне уже немного наскучили эти разговоры о сражениях. Стоял прекрасный солнечный день, ей хотелось выйти из дому и наслаждаться им.

– Давайте прогуляемся по деревне, – предложила она. – Я бы с удовольствием осмотрела церковь.

Рука об руку они перешли подъемный мост и направились в Брии. Церковь Сен-Дени была очень старой, с крепкими стенами, круглыми каменными арками и отдельно стоявшей колокольной. Как только Анна ступила внутрь, ее окутала приглушенная атмосфера, благоухавшая столетиями молитв.

Они с Филиппом опустились на колени на холодные каменные плиты и некоторое время стояли так, склонив голову. Потом Анна подняла глаза к алтарю. Казалось странным, что она могла выйти замуж здесь, в этой простой маленькой церкви; это было так не похоже на то, какой она представляла свою свадьбу. Но это не имеет значения. Если в результате она обвенчается с Филиппом, ничего больше ей и не нужно. К тому же в Рождество церковь Сен-Дени наверняка празднично украсят остролистом, лавром и омелой, если такие растения водятся в этих краях.

Анна посмотрела на Филиппа и взяла его за руку, представляя, как она входит в эту церковь в свадебном наряде, а его глаза загораются при взгляде на нее.

Он потянулся к ней с поцелуем, они встали, обошли церковь; Филипп показывал ей могилы своих предков, попутно посвящая ее в их истории.

По дороге в шато через безмолвную деревню, где не было видно ни души, потому что близилось время ужина, Филипп погрузился в задумчивость.

– Мне хотелось бы, чтобы наша свадьба состоялась при дворе, – наконец промолвил он.

– А я бы этого не хотела, – отозвалась Анна.

– Но почему?

– Там будет король Франциск, а он мне неприятен.

– Но ведь присутствие короля – большая честь. Почему вы не хотите, чтобы он оказал нам ее?

– Не спрашивайте меня, – уклонилась от ответа Анна, понимая, что и без того уже сказала слишком много.

О насилии над Мэри нужно молчать, потому что запятнанной оказалась ее репутация, а не короля.

Филипп пристально посмотрел на Анну:

– Скажите, что он не делал вам авансов!

– Конечно нет!

Она почувствовала, что щеки ее горят, и с ужасом осознала: Филипп принял ее отвращение к Франциску за что-то личное.

– Никаких «конечно нет» не может и быть. Его аппетиты всем известны!

Анна была возмущена – невозможно поверить, что их разговор принял такой оборот!

– За кого вы меня принимаете? Я видела, как он обходится с женщинами. Он король и получает то, чего хочет!

– Простите меня, простите! – Филипп поднял руки, изображая, что сдается. – Я не хотел, чтобы мои слова прозвучали так, будто я плохо думаю о вас. А король берет лишь то, что легко ему дается, и находится немало желающих одарить его!

– Ничего подобного! – крикнула Анна, не успев вовремя остановиться. – Он силой навязывает себя женщинам, даже против их воли.

Филипп нахмурился.

– Да? – Он помолчал. – Поэтому ваша сестра так поспешно покинула двор?

Они были уже почти у подъемного моста. Анна ускорила шаг, ужасаясь самой себе. Как она могла выдать то, что нужно было хранить в тайне? Что ей делать? Придется либо солгать, сказав, что она имела в виду кого-нибудь другого, либо довериться Филиппу и открыть ему правду.

– Так и есть, – сказала она, не в силах поднять на него взгляд. – Он не оставил ей выбора. Лучше бы вы не вынуждали меня говорить это!

– Извините. Но разве вы не считаете, что я имею право знать?

– Зачем? Что я могла сделать? – накинулась на него Анна. – Мне пришлось утешать ее после всего. Она была в отчаянии, потрясена. Ни одному мужчине, даже королю, не позволено так принуждать женщину!

Филипп тоже выглядел потрясенным.

– Анна, я должен сказать вам. Король похвалялся этим. Он не назвал имени, но сказал своим джентльменам, что с удовольствием поскакал на одной английской кобыле, притом необъезженной.

– Какая гадость! – ужаснулась Анна. – Мало того что он ее изнасиловал, так ему еще нужно очернять ее и бросать грязные намеки на всех английских дам? А вы... вы теперь худшего мнения обо мне, раз я сестра той, что была опозорена?

– Нет, нет, нет, *ma chère*! Как я могу думать такое? – Филипп бросился к ней и прижал к себе. – Я люблю вас! Мне очень жаль вашу сестру. Король обошелся с ней скверно, и за такое трудно получить отмщение. Ваш отец знает об этом?

– Сомневаюсь! Очевидно, Мэри сказала ему только, что уехала домой, чтобы избежать внимания короля, но я знаю, отец недоволен ею. Вероятно, по его мнению, она должна была остаться, бороться за себя и воспользоваться благами, которые давало ей место при дворе королевы, ведь это он его ей обеспечил. Отец очень амбициозен.

– Мне бы хотелось, чтобы вы чувствовали, что со мной можно этим поделиться, – сказал Филипп. – Вы должны доверять мне, раз уж скоро состоится наша помолвка.

– Я не могла себя заставить даже подумать об этом, к тому же несчастье случилось не со мной. Мне и в голову не приходило, что следовало вам рассказать. Это не мой секрет.

– Конечно, – сказал Филипп.

Однако Анне показалось, что в его голосе не прозвучало особой уверенности.

Они уже находились у входа в башню.

– Мне нужно подготовиться к ужину, – сказала Анна и быстро пошла вверх по лестнице, едва сдерживая слезы.

Почему она чувствует себя так, будто совершила ошибку? Неужели Филипп и правда считает ее обманщицей? Или еще хуже, думает, что Мэри – распутная девка, раз не стала отбиваться, когда надо было, или даже сама поощряла короля, а после пожалела об этом и сестра ее слеплена из того же теста?

Глядя на свое заплаканное лицо в зеркале, Анна собралась. Это глупо. Филипп любит ее, тому имелось множество подтверждений. Он ни за что не станет так о ней думать. Слишком много воли она дала своему воображению.

Тетушка Антуанетта положила себе еще кусок мяса в красном вине и, со вкусом принявшись за него, сказала:

– Анна, похоже, наши семьи в родстве!

– Неужели? – удивилась та.

– Отец Жака, камергер покойного короля, был женат на даме, которую звали Мари де Булан де ла Рошет. Ее фамилия похожа на Болейн, вот я и подумала, что, вероятно, между нами есть отдаленное родство.

– Возможно, – проговорила Анна, думая про себя, что едва ли. – Основателем моего рода был нормандский рыцарь, который пришел в Англию с Вильгельмом Завоевателем и обосновался в Норфолке. Полагаю, у него могла остаться родня в Нормандии или во Франции.

– Было бы приятно думать, что мы кровные родственники, – сказала тетушка Антуанетта. – Ваша семья, как я слышала, благородного происхождения.

– Мой отец – внук графа Ормонда, а мать – дочь герцога Норфолка. Оба они потомки короля Эдуарда Первого.

На стариков это как будто произвело должное впечатление, но Анна следила за Филиппом, который – может, она снова придумывает? – сегодня вечером казался немного отрешенным. Ей в голову пришла непрощенная мысль: происхождение и титулы ничего не значат в сравнении с добродетелью и честью.

«Нет, это чепуха, – сказала себе Анна и попыталась искристым взглядом вызвать у любимого улыбку. – Я добродетельна, и я честна. Тайна Мэри – это тайна Мэри. И когда речь идет о заключении брака, семья важнее всего!»

– Поедем завтра в Гриньи? – очнулся от задумчивости Филипп.

– С удовольствием, – ответила Анна.

– Я прикажу, чтобы вам собрали в дорогу какой-нибудь еды, – сказала тетя Антуанетта. – Бог знает, припасет ли для вас что-нибудь этот ленивый управляющий, не весть чей сын, которого вы наняли. Анна, вам предстоит там взяться за дело и призвать слуг к порядку!

Это прозвучало так естественно, так убедительно, словно ничто не угрожало ожидаемому браку, и, когда Филипп рассмеялся в ответ на слова тетушки и настроение у него улучшилось – или ей только показалось? – Анна была готова закричать от радости.

Старики вновь рано ушли спать, и Филипп опять заключил ее в объятия. На этот раз он ласкал ее груди и гладил бедра, и она не сопротивлялась, но, когда ему захотелось большего и он намекнул, чтобы она прикоснулась к его интимным местам, Анна отказалась.

Филипп усмехнулся и отпустил ее. Он как будто говорил: это всего лишь дело времени. Ну, это мы еще посмотрим. Нрав у Анны был покруче, чем у ее сестры.

Старое шато в Гриньи несло на себе следы небрежения. Филиппу стало неловко.

– Я здесь не бываю, – оправдывался он, пока Анна с унынием смотрела на паутину и грязь. – Тут нужна женская рука.

– Она здесь есть, – возразила Анна, сердито глядя на ленивую и неряшливую на вид жену управляющего. – Мистрис, надеюсь, вы позаботитесь, чтобы здесь было чисто, и наведете порядок к моему приезду.

Женщина с недовольной миной отвесила реверанс.

– Ее представление о чистоте, вероятно, сильно отличается от моего, – пробурчала Анна, пока они переходили в следующую комнату, где пахло сыростью.

Какая жалость, что они не могут жить в Брии! Неудивительно, что Филипп всегда там.

На обратном пути Анна говорила об улучшениях, которые хочет произвести в Гриньи.

– Там нужны какие-нибудь яркие занавесы и подушки, свежая камышовая подстилка на полу, как при дворе. Можно сделать этот дом радостным местом.

– Едва ли мы будем подолгу там жить, – пожал плечами Филипп. – Стоит ли утруждаться?

– Это будет наш дом, ваша резиденция как сеньора! – воскликнула Анна.

– А вы разве не предпочли бы жить при дворе?

– Сказать по правде, я предпочла бы Брии. Мне там нравится. Но, конечно, это не ваш дом.

– Мне бы хотелось, чтобы был мой. Думаю, дядя и тетя только обрадовались бы, если бы мы жили с ними, но это непрактично, и они еще дальше от Парижа.

– Они мне нравятся все больше, – сказала Анна, решив не выдавать разочарования.

– А кто устоял бы? – улыбнулся Филипп.

Дни шли за днями, Анна не могла избавиться от впечатления, что Филипп отдаляется от нее. Временами, когда они были вместе, он казался рассеянным и уже не затевал любовных игр так часто, как прежде. Анна внутренне сжималась при мысли, что его пыл угасает, ведь она любила его так сильно, что сама ее жизнь теперь зависела от этой любви. Она жаждала стать его женой и дать волю желаниям, которые едва сдерживала.

Филипп по-прежнему воцарялся над ней, – по крайней мере, это было ясно. Три дня назад они поднялись на холм позади Брии и сидели вместе, любуясь закатом. Вокруг не было ни души. Он поднял ее юбки, обнажил тело, она его не остановила, а после извивалась от удовольствия, пока его опытные пальцы учили ее тому, каким совершенным может быть желание, когда его доводят до сокрушительного разрешения. Лежа на траве, запыхавшаяся и дрожащая от радости, Анна понимала, что родилась на свет именно ради этого момента. Он наверняка любит ее, раз сделал такой подарок.

А потом он стал расшнуровывать ширинку на рейтузах, и она впервые увидела, что происходит с мужчиной, когда в нем возбуждается страсть. Она послушно положила туда руку и сделала то, о чем он просил – обхватывала и сжимала, пока не почувствовала, как он несколько раз конвульсивно содрогнулся и ее пальцы покрылись чем-то теплым и влажным.

Анна думала, что после такой волшебной интимной близости Филипп начнет изливать свои чувства, но он лишь поцеловал ее, привел в порядок одежду и помог ей встать.

За столом она чувствовала себя Иезавелью, и, вероятно, на лице у нее было написано, что она сотворила. Однако Дюмулены вели себя как обычно, а Филипп дружелюбно болтал со стариками, не выдавая ни жестом, ни взглядом, какая страсть бушевала между ним и Анной. Будто ничего вообще не случилось.

От отца не приходило никаких вестей по поводу приданого, и Филипп больше не говорил о свадьбе. Когда его дядя и тетя заводили беседу на эту тему и начинали восторженно строить планы, он только улыбался и кивал. Заметили они в нем отсутствие энтузиазма? Анна думала, что нет: они не стали бы снова и снова поднимать этот вопрос и чувствовали бы себя неловко в ее присутствии, если бы знали об охлаждении Филиппа. Они были людьми честными и слишком добрыми, чтобы лукавство давалось им легко. Так, может быть, она все выдумывает и ей просто нужно научиться лучше его понимать?

Анна молилась, чтобы отец написал поскорее, ведь, как только финансовые вопросы будут улажены, дело с помолвкой продвинется и все пойдет на лад. Когда Филипп сообщил, что им нужно возвращаться ко двору и он уже послал за вдовой, которая будет их сопровождать, она едва не заплакала – поскольку отцовские письма будут, конечно, доставлять в Брии, а это повлечет за собой очередную мучительную отсрочку, пока их перешлют туда, где находится двор.

Зеркало говорило Анне, что она худеет и чахнет. Желтоватый оттенок кожи стал более заметным, а глаза превратились в темные омуты тревоги. Однако Филипп как будто ничего не замечал. Ночами он по-прежнему был пылким любовником, а днем являл собой совершенно другого человека. Анна размышляла: неужели такова мужская натура – получают удовольствие

и сразу теряют интерес? Она оставалась девственницей и с этих рубежей не отступит, однако после случая на холме позволяла Филиппу подходить к этой грани так близко, как только осмеливалась. В последние две ночи, дождавшись, когда Габриэль уснет, Анна тайком прокрадывалась в комнату Филиппа, где он раздевал ее догола и делал с ней почти все, что хотел. Свобода в любви сблизила их. Анне это было необходимо, как воздух и пища. В постели Филипп принадлежал ей, и она почти верила, что так всегда и будет.

В ночь накануне отъезда, удовлетворив свои желания, они лежали в темноте.

– Нам ведь ни к чему помолвочное кольцо, да, Анна? – заговорил Филипп.

Для нее эта фраза была как пощечина. Она не могла вымолвить ни слова.

– В конце концов, мы уже все равно что женаты, – добавил Филипп.

– Я не достойна его? – прошептала Анна. – Никогда не слыхала о помолвке без кольца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.